

Мародер

Автор:

Виталий Забирко

Мародер

Виталий Забирко

Жестоко поступают с путешественниками во времени, если они нарушают законы флуктуации, кардинальным образом меняя уже состоявшееся прошлое. Нарушители вытираются из временного потока, будто их никогда и не было. Нависла угроза «вытирки» и над Егором Никишиным, избравшим себе место постоянного проживания современную Москву.

Виталий Сергеевич Забирко

Мародёр

Они живут так, будто до них ничего не было и после них ничего не будет, а есть только они и так будет всегда.

Глава первая

Мне нравятся крупные развлекательные центры, в которых наряду с игорным бизнесом соседствуют обычные увеселительные аттракционы. Стеклянные двери в громадный зал казино «Фортуна» как бы разделяют два мира: реальный мир, обыденный и пресный, и иллюзорный мир призрачного счастья, где посетителя не покидает ощущение вечного праздника. Не знаю, что больше сказывается на этом ощущении – работа дизайнеров, умело подобравших при

оформлении казино радующую глаз цветовую гамму, мажорные звуковые эффекты, подсветку игровых автоматов, ломберных и рулеточных столов, или общая атмосфера, создаваемая аурой посетителей, надеющихся на выигрыш. Сам я не играю и не люблю наблюдать, как играют другие. Во время игры слишком много эмоций, по большей части отрицательных, и не в моих правилах попусту будоражить нервы. Я прихожу в казино, сажусь в углу за стойку бара и наслаждаюсь общей атмосферой праздника. Такое времяпрепровождение помогает развеяться и поднимает настроение. Порой, особенно после работы, это крайне необходимо.

– Добрый вечер, Егор Николаевич, – поздоровался бармен, когда я уселся на высокий табурет у стойки.

– Вечер добрый, Серёжа, – кивнул я.

– Что сегодня предпочтёте?

– Сегодня, Серёжа, я предпочту пиво. Светлое, не пастеризованное.

– Живое?

– Именно! Лучшее, на твой вкус.

– У нас всё лучшее, – улыбнулся Серёжа.

– Вкус у всех разный, – не согласился я.

– Как прикажете, – развёл руками бармен. – Если на мой вкус, то попробуйте «баварское».

– Никогда не поверю, что вы получаете из Германии живое пиво.

– Зачем из Германии? – пожал плечами Серёжа. – «Баварское» – это сорт, а делает его отечественная фирма. Как на мой вкус, лучше, чем натуральное немецкое.

– Что ж, если рекомендуешь, попробую.

Серёжа достал из холодильника бутылку, откупорил и начал наливать в бокал. Нравился мне бармен – всегда приветливый, уважительный и в то же время выдержанный, корректный, знающий себе цену. Никаких там: «Чего изволите-с?» Не выношу в людях ни подобострастия, ни высокомерия.

– Прошу, – поставил бокал на стойку Серёжа.

Я пригубил. Пиво было холодным, приятным на вкус и, как бы поточнее сказать... Душистым? Нет, духмяным, вот!

– Уважил, – оценил я.

Губы бармена тронула улыбка, но ни тени снисходительности в ней не проскользнуло. Приятно иметь дело с людьми, имеющими понятие о человеческом достоинстве, как своём, так и собеседника.

– Что будете под пиво, Егор Николаевич? Омары, лангусты, кальмары, сёмга?

– А раков нет?

Спроси бармена о вобле, он бы меня не понял. Вобла не для таких заведений.

Серёжа развёл руками.

– Вот тебе и пожалуйста, – огорчился я. – Как что заморское, так навалом, а отечественное... Красная икра есть?

– Под пиво? – Брови Серёжи взлетели вверх, и он недоверчиво посмотрел на меня. – Что вы, право, Егор Николаевич...

– Под пиво, – упрямо подтвердил я. – У тебя какая икра – баночная или бочковая?

– Бочковая.

– Жаль, баночная посуше, под пиво лучше. А ещё лучше подвяленная. Выкладываешь её на поддон в один слой иставляешь в тень на ветерок часа

на два... Прекрасный деликатес под пиво!

– Залежалых продуктов не держим, – корректно покачал головой бармен. Как гурман я навсегда упал в его глазах.

– Ладно, давай бочковую...

– На бутербродах с маслом?

– Нет. На блюде с ложечкой.

Серёжа поставил передо мной блюдо с икрой.

– Ещё что-нибудь?

– Пока всё.

Бармен кивнул и отошёл. Похоже, сегодня доверительного разговора у нас не получится. Огорчил я Серёжу своим гастрономическим бонтоном. Знал бы он, что мне в молодости приходилось есть, не говоря уже о детстве! Никогда туда не вернусь, не затем сбегал.

Я отпил пива, нарочито медленно, контролируя себя, съел ложечку икры и понял, что Серёжа прав насчёт несовместимости красной икры с пивом. Но... Но прав-то он здесь, поскольку никогда не был там.

К противоположному концу стойки подошёл молодой человек в широких штанах с многочисленными карманами и пёстрой рубашке навыпуск, сел и сиплым голосом позвал бармена. Обыкновенный парень. Местный. Лицо у него было застывшим, а взгляд потерянным.

Серёжа повернулся к клиенту, оценил намётанным взглядом и тихо поинтересовался:

– Деньги есть?

– Есть, – буркнул парень, не глядя на бармена. – Водки.

Серёжа не двинулся с места, продолжая пристально смотреть на него. Парень поморщился, пошарил по карманам и уронил на стойку мятую сторублёвку. Руки у него подрагивали – видимо, проиграл крупно.

Бармен налил стопку водки, поставил перед клиентом на стойку и пододвинул блюдце с крохотным маринованным огурчиком. Парень залпом выпил и отодвинул блюдце.

– Не надо.

– За счёт заведения, – корректно сказал Серёжа.

Парень опёк бармена злым взглядом. Заведение ободрало его, как липку, а теперь, словно в насмешку, преподнесло утешительный приз в виде махонького маринованного огурца.

– Закусывай, – сочувственно посоветовал Серёжа.

То ли водка начала действовать, то ли повлияло сочувствие бармена, но парня отпустило. Он глубоко вздохнул, махнул рукой и, горько усмехнувшись, взял «утешительный приз».

Я отвернулся и посмотрел в зал. Не для того сюда пришёл, чтобы созерцать чужое отчаяние – этого у меня и на работе хватает. Мне нужны положительные эмоции.

У одного из «одноруких бандитов» стояла престарелая дама и, как заведённая, дёргала ручку. Слабая аура флуктуационного следа ритмично пульсировала вокруг её фигуры.

«Ну-ну, – саркастически подумал я, – захотелось положительных эмоций? Получите!» В том, что дама в конце концов выиграет, не было никаких сомнений, но положительных эмоций мне это не доставит. Уж лучше наблюдать горькое разочарование местного парня, чем видеть мимолётное счастье престарелой дуры оттуда. Если день не удаётся с утра, то чёрная полоса будет длиться до

позднего вечера.

Я хотел встать, расплатиться и уйти, как вдруг заметил идущего вдоль игровых автоматов блюстителя стабильности, за которым волочилась опалесценция флуктуационного следа. Среднего роста, в неброском сером костюме, невыразительной внешности; его можно было бы считать неприметным человеком, если бы не нездорового цвета серое лицо. Усталой походкой он прошёл мимо азартной дамы, бросил на неё равнодушный взгляд и направился к бару.

Только его мне и не хватало! Я отвернулся, отпил из бокала и сделал вид, будто с интересом рассматриваю батарею бутылок на полках бара. В зеркале за бутылками было видно, как блюститель стабильности подошёл к стойке и уселся рядом со мной. Несомненно, он тоже видел мою ауру флуктуационного следа.

– Что будете заказывать? – подошёл к нему Серёжа.

Блюститель подумал, затем сказал:

– стакан воды.

– Минеральной, с газом, без?

Блюститель снова подумал и проронил:

– Из-под крана.

С невозмутимым видом бармен набрал воду из-под крана, поставил на стойку. Затем склонился к клиенту и сказал:

– За счёт заведения.

Как всегда иронии в его голосе не чувствовалось. Сплошное понимание.

Я скосил глаза на соседа. Его лицо было непроницаемым, и только в уголках губ угадывалось нечто вроде усталой брезгливости. Будто весь мир вокруг был помойкой, но он настолько к этому привык, что устал морщиться. Неспроста

блюстителю стабильности сел рядом со мной, ох, неспроста...

Он полез в карман, достал большую тёмно-коричневую таблетку, бросил в стакан, взял со стойки пластиковую соломинку и перемешал. Таблетка растворилась, и в стакане образовалась вязкая зелено-серая жижа, наподобие болотной тины. Разве что сероводородом не пахло.

Впервые я увидел, как по лицу всегда корректного Серёжи скользнула тень безгливости.

– У меня больная печень, – предупреждая вопрос бармена, сообщил блюститель, и Серёжа, пожав плечами, отошёл в сторону.

Блюститель отхлебнул жижу из стакана, причмокнул, покосился на меня и спросил:

– Пиллиджер?

Я повернулся и посмотрел ему в глаза, прикрытые контактными темпоралитовыми линзами, без которых не увидеть флуктуационный след.

– Таймстебль? – в свою очередь поинтересовался я.

Он снова отхлебнул из стакана, снова причмокнул и утвердительно кивнул:

– Пиллиджер...

Определённо заметил на моих глазах такие же, как у себя, темпоралитовые линзы.

Я не остался в долгу, отвернулся и с не меньшей уверенностью констатировал:

– Таймстебль.

– Ну, и как здесь живётся пиллиджеру? – равнодушным тоном спросил таймстебль.

– Отлично, – развязно заявил я. – Живу, не тужу, вот, пивко с икоркой попиваю. Не желаете отведать?

Я пододвинул к нему блюдце с красной икрой.

Таймстебель глянул на икру и содрогнулся. Будь она засохшей, сморщенной, покрытой зелёно-чёрной плесенью, он бы мог рискнуть её отведать. В таком же виде она для него смертельный яд. Как и чистая вода. Других в службу стабилизации не берут, чтобы не было искушения остаться. Знай гурман Серёжа о кулинарных пристрастиях клиента, его бы наизнанку вывернуло.

– Нехорошо... – укоризненно покачал головой таймстебель. – Блюстителя стабильности не уважаешь...

– Я закон не нарушаю, – возразил я. – Когда был там, не обижался, что меня «реликтом» обзывают.

– Тогда почему ты здесь? – сощурился таймстебель.

– У нас с вами метаболизм разный, а я люблю вкусно поесть. Здесь много доброй еды.

Он косо глянул на блюдце с красной икрой и поморщился.

– Чтобы вкусно есть, нужно что-то иметь, – заметил он. – Много нахапал?

– Сколько не нахапал, всё моё. Знаете поговорку: «Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным»? Бедным я уже был и больше не хочу.

Он покосился на меня, смерил взглядом сверху донизу.

– Судя по флуктуационному следу, я бы не сказал, что ты богат.

– Жить в роскоши, значит, ярко светиться, – парировал я и был прав на все сто, как в прямом, так и в переносном смыслах.

– Вижу, – равнодушным голосом согласился таймстебель. – Ты пиллиджер аккуратный. Но ты зацепил меня иронией, а я злопамятный. Теперь с тебя глаз не спущу.

Я пренебрежительно повёл плечами, но внутри похолодело. Дурак, зачем иронизировал? Они же нас, реликтов, за людей не считают... Низший сорт, по их понятиям. Хлебнув свободы, я опьянел и начал выкобениваться, забыв, что здесь нужно быть ниже травы, тише воды. Это непростительно. Крупный сдвиг, за который полагается вытирка, я, понятное дело, не допущу, а вот мелкие прегрешения, за которые полагается высылка обратно, таймстебель всегда может инкриминировать. А я назад не хочу, уж лучше вытирка.

От игровых автоматов донёсся торжествующий женский вскрик, загрохотала бравурная музыка, и в поддон лавиной «Джек пота» посыпались жетоны.

Я обернулся. Престарелая дама в экстазе несказанного счастья выгребала жетоны из поддона и ссыпала их в сумочку. Вокруг её фигуры яркими радужными переливами полыхал флуктуационный след. Ещё одна дура засветилась...

– Напрасно вы со мной так, – примирительно сказал я таймстеблю, – не я, во-он ваш клиент.

Таймстебель посмотрел на «счастливицу», кивнул головой.

– Мой клиент, – согласился он. – Но и ты, Егор Николаевич, никуда от меня не денешься.

Неторопливыми глотками он допил свою гадость, встал из-за стойки и пошёл прочь в противоположную сторону от ополоумевшей от счастья дамы. Действительно, не арестовывать же её у всех на глазах? Местные могут неправильно понять. Быть может, даме так и не доведётся услышать приговора – закон о вытирке позволяет проводить операцию без согласия нарушителя стабильности только на основании зафиксированной флуктуации выше пятого порядка. А дама «светилась» не меньше, чем на шестой-седьмой.

Серёжа взял со стойки грязный стакан, брезгливо повертел в руках и, не став мыть, бросил в урну.

– Бывают же клиенты... – вздохнул он и посмотрел на меня. – Егор Николаевич, видели дамочку, ошалевшую от счастья? Хороший куш сорвала, почти полмиллиона.

– Рублей? – натянуто спросил парень с другого края стойки. Обернуться, чтобы увидеть чужое счастье, он не решился.

– Долларов!

Парень шумно вздохнул и попросил:

– Можно ещё водки?

Голос у него предательски дрожал. Обидно было парню, что кому-то сказочно повезло, а он проигрался в прах.

– Можно, – кивнул бармен, налил стопку водки и послал её по стойке.

И тут я вспомнил, что, уходя, таймстебль назвал меня по имени-отчеству. Откуда он знает моё здешнее имя и почему?! Таких, как я, сотни, если не тысячи, и рядовому таймстеблю глубоко безразлично, как кого зовут, если он не нарушает закон. Неужели...

Настроение мгновенно испортилось. Лучше бы я обошёл казино десятой дорогой.

– Серёжа, – позвал я бармена.

– Да?

– Налей-ка и мне водки...

– Егор Николаевич, как можно? После пива...

Он наткнулся на мой тяжёлый взгляд, осёкся и молча налил стопку. Но, поставив её на стойку, всё же не удержался и спросил:

– Ваш знакомый настроение испортил?

Он кивнул на пустой стул рядом со мной.

– Знакомый? – переспросил я и залпом выпил. – Теперь, наверное, знакомый...

Серёжа сочувственно покивал, но, видя моё мрачное настроение, поддерживать разговор не стал, а с пониманием отошёл в сторону.

Я взял ложечку икры, положил в рот и принялся методично, с трудом сдерживаясь, чтобы не проглотить, пережёвывать, забивая вкус водки. Поднимать настроение больше не хотелось. Хотелось напиться, чтобы забыться, хотя частичное забытьё произойдёт без моего вмешательства. Завтра утром, когда проснусь, в моих воспоминаниях останутся и посещение казино «Фортуна», и Серёжа, и красная икра под пиво, и вдрызг проигравший парень с утешительной стопкой водки, и разговор с таймстеблем. Не будет в воспоминаниях только престарелой дуры, сорвавшей в казино «Джек пот». Будто её и не было. Возможно, расстроенный проигрышем парень не станет пить вторую стопку водки, а на оставшуюся мелочь возьмёт жетон, подойдёт к «однорукому бандиту», бросит жетон в щель, дёрнет за ручку, и именно ему достанется «Джек пот». И тогда всё будет нормально, всё станет на свои места, войдёт в давно проложенную колею, так как парню выигрывать можно. Он – местный.

Глава вторая

Обработку вероятностных событий предстоящей акции я закончил в четвёртом часу утра, затем ещё полчаса анализировал возможные варианты флуктуаций завтрашнего дня и откорректировал свои действия в вероятностный момент двух всплесков локальной флуктуации второго порядка с затухающими последствиями, сходящими на нет в десятилетний срок. В принципе, закон разрешал локальные флуктуации вплоть до четвёртого порядка, но после вчерашней встречи в казино с блюстителем стабильности я предпочитал не рисковать. Чем чёрт не шутит? В подобной ситуации лучше лишний раз подуть на холодную воду, чем потом кусать локти.

Я отключил вариатор, потянулся, встал из-за стола и, раздёрнув шторы, выглянул из окна шестнадцатого этажа сталинского небоскрёба, в котором снимал квартиру.

Надкушенное яблоко луны заливало город пепельным сиянием, заглушавшим огни реклам, подсветку зданий, освещение улиц, свет в окнах домов, отчего город казался давно покинутым и мёртвым, припорошенным пылью веков. Любопытная, всё-таки, штука – перспектива. Находишься я сейчас на улице, электрическое освещение точно так же нивелировало бы свет луны, и я ощущал бы себя в гуще техногенной цивилизации, напроочь отрезанной от природы стенами высотных домов, закатанными в асфальт магистралями, ярким светом уличных лампионов. Золотой век цивилизации, её вершина, до которой сумело добраться человечество, но никто из живущих сейчас в мегаполисе этого не осознавал. Как и во все времена люди были заняты сугубо личными проблемами, оставляя проблемы будущего для потомков, ибо только они могут оценить величие цивилизации и нищету духа своих предков. Современникам это не дано.

Где-то здесь, в этом городе, а может быть, и не в этом, но в России, живёт и здравствует ещё никому не известный Игорь Олегович Гудков. Человек, с которым я не только никогда не встречу, но и буду старательно избегать вероятностных контактов, так как тайна его жизни строжайшим образом охраняется службой стабилизации, ибо благодаря его открытию, которое он совершит через пять лет, я и нахожусь здесь. Не лучшее место и время я выбрал для базовой точки, но, с другой стороны, почему бы и нет? Вершина расцвета человеческой цивилизации, а я не из тех, кто предпочитает жить в пещерах. Попробовал раз, и больше не хочу. Если представилась возможность, то жить надо в комфорте, и, в конце концов, риска здесь не больше, чем в любом другом времени и месте.

Кстати, именно на месте этого сталинского небоскрёба, который со временем из-за ветхости снесут, поставят памятник Гудкову. Он и сейчас там стоит, покосившийся, замшелый, испещрённый бороздами атмосферной эрозии. Почему памятник поставят на этом месте, является такой же исторической тайной, как и жизнь самого Гудкова, поэтому было немного странно, что служба стабилизации настоятельно рекомендовала остановиться именно в сталинском небоскрёбе, когда я подал прошение на своё постоянное время- и местопребывание. Впрочем, и по данным вариатора это был лучший вариант, хотя я, исходя из принципа «бережёного и Бог бережёт», долгое время скитался по гостиницам, пытаюсь подобрать иной вариант.

Я задёрнул штору и направился в спальню. Пора возвращаться к суровой правде жизни. Лирика в моей работе противопоказана. Только точный расчёт, математически выверенные поступки позволяют здесь выжить. В десять часов придёт дочь хозяйки квартиры за ежемесячной квартплатой, поэтому необходимо выспаться, чтобы иметь ясную голову и сгладить вероятностный всплеск флуктуации второго порядка.

Заснул я мгновенно, спал без сновидений, а проснулся ровно в половине десятого, как и настраивал свой биологический хронометр. Принял душ, побрился, наделал бутербродов, приготовил кофе и накрыл стол в гостиной точно к десяти часам.

Звонок в дверь прозвучал на две минуты раньше рассчитанного вариатором времени, но этот срок укладывался в пределы допустимой погрешности.

Я прошёл в прихожую и открыл дверь. На пороге стояла симпатичная девушка лет двадцати пяти в лёгком летнем платице.

– Здравствуйте, – сказала она. – Егор Николаевич Никишин?

– Да.

– А я Злата... Злата Полторацкая, – представилась она. – Дочь хозяйки квартиры.

– Очень приятно, – кивнул я. – Проходите.

Злата переступила порог, огляделась.

– Вы очень похожи на маму, – сказал я.

Она действительно была похожа на мать – такие же светлые коротко стриженные волосы, аккуратный носик, припухлые губы, большие голубые глаза. Разве что фигура постройнее.

– Наверное... – как-то странно передёрнула плечами Злата и тут же перевела разговор на меня: – А я вас старше представляла.

– Почему?

– Ну, как... Мама вас всегда по имени-отчеству величает... А потом имя у вас такое... Редкое...

– Старорежимное, хотите сказать? Почти как Емеля?

– Где-то так. Среди моих сверстников нет ни одного Егора. Я и подумала... У нас учителя физики звали Егором Степановичем, а ему за шестьдесят.

– Ну, спасибо! – рассмеялся я её непосредственности. – Мне до пенсии ещё далеко.

Хотел добавить, что она мне младше представлялась, лет восемнадцати, но не стал этого делать. Во-первых, видел её на экране вариатора, знал, что работает пресс-секретарём по связям с общественностью Департамента по науке – какие восемнадцать? Во-вторых, и это главное, откуда мне знать, что у квартирной хозяйки есть дочь? Вероника Львовна о дочери никогда не говорила.

– Кстати, у вас тоже редкое имя.

– В России редкое, но не в Болгарии.

– Так вы болгарка?

– Нет. – Злата смутилась. – Меня называли в честь прапрабабушки отца, которая была болгаркой. Прапрадедущка женился на ней ещё в русско-турецкую войну... Это долгая история.

– И какими судьбами занесло ко мне прапраправнучку участника русско-турецкой войны? – заинтригованно спросил я, хотя знал, какими. Другое было любопытно: почему Злата упомянула прапрабабушку отца, а не свою прапрапрабабушку?

Прапраправнучка замялась. Почему-то ей очень не хотелось посвящать меня в тайны своей родословной.

– Ну...

Она окончательно смутилась, и я резко поменял тему:

– Знаете что? Я завтракать собрался, не составите мне компанию?

В конце концов, какое мне дело до её далёких болгарских предков? В девятнадцатый век я не собирался. И в мыслях не было.

Злата нерешительно покрутила головой, глянула на часики.

– Хорошо, – не очень уверенно согласилась она. – Только я ненадолго. Минут на десять.

По расчётам вариатора она могла позволить себе полчаса.

– Прошу!

Я сделал приглашающий жест в гостиную.

Злата вошла, повесила сумочку на спинку стула, окинула взглядом стол.

– Может, я не ко времени? Вы кого-то ждёте?

Я глянул на стол и всё понял. Машинально, особо не задумываясь, я сервировал стол на две персоны. Вот так, на незначительных ошибках и прокалываются пиллиджеры.

– Нет-нет, что вы, никого не жду, – быстро нашёлся я. – Не люблю завтракать в одиночестве, вот и ставлю лишний прибор. Садитесь, прошу вас.

Я выдвинул стул, усадил её, сел сам.

– Кофе?

– Да.

Я налил ей кофе, пододвинул блюдо с бутербродами.

– Берите любой, на ваш вкус, здесь все разные.

Она пригубила кофе, взяла бутерброд с ветчиной, надкусила.

Я к бутербродам не притронулся. Ем я быстро и жадно, и хотя на людях стараюсь сдерживаться, это не всегда получается. Стоит на мгновение задуматься во время еды, как тут же ловишь на себе удивлённые взгляды. В этот раз лучше перестраховаться.

– А всё-таки вы меня обманываете, – сказала она, покосившись на блюдо.

– Это в чём же? – удивился я.

– Здесь бутербродов столько, что одному не съесть! Вы определённо кого-то ждёте!

«Глазастая!» – чертыхнулся я про себя. Опять надо выкручиваться.

– Что вы, право, Злата! Бутерброды я всегда готовлю с избытком, остаток отношу в кабинет и во время работы подкрепляюсь. Работа у меня в основном на компьютере, надомная, я ведь редактор, вы же знаете, если мама говорила.

– Выходит, я своим аппетитом нарушаю ваш рабочий цикл?

– Не берите дурного в голову! – рассмеялся я. – Надо будет, приготовлю ещё. Ради завтрака с красивой девушкой я могу сегодня вообще не работать.

Злата потупила взор, на щеках заиграл румянец. Странно, неужели при такой эффектной внешности да при такой работе ей никто не льстил?

– Разве что ради завтрака...

Она взяла бутерброд с тунцом.

Я отхлебнул кофе и, откинувшись на спинку стула, с интересом посмотрел на девушку. Н-да, хороша... А что, если... Но тут же себя одёрнул. Основное правило пиллиджера – не заводить долгосрочных отношений с местными. Не один пиллиджер на этом погорел. Если играют гормоны – Тверская под боком.

– Итак, – сказал я, – что вас ко мне привело?

– Понимаете... – начала Злата, отведя глаза в сторону, – мама меня послала за оплатой квартиры.

Она покраснела ещё больше, и я понял, почему «горели» некоторые пиллиджеры. В отличие от меня, врать она не умела. Устоять против такой непосредственности нелегко.

– Да, но... – Изображая недоумение, я покрутил головой. – Обычно я вношу плату семнадцатого, а сегодня четырнадцатое.

Ежемесячно я платил за комфортабельную квартиру в сталинской многоэтажке две тысячи долларов. Такие деньги за квартиру для многих хронеров непозволительная роскошь, с другой стороны, зачем тогда прибывать сюда? Разве что чистым воздухом подышать, да экологически чистых продуктов поесть. Но для меня этого мало. Если жить здесь, то на широкую ногу. Точнее, настолько широко, насколько позволяет флуктационный след. Нуворишем он быть не позволял, но на вполне приличную жизнь я мог рассчитывать.

– Дело в том, что маме срочно нужны деньги, – по-прежнему не глядя на меня, пояснила она. – Очень. Так что, если вы не против...

Я был не против, если бы не одно «но». И это «но» не имело никакого отношения к тому, что девушка врал. Деньги понадобились не её маме, а подружке Златы, некоей Ольге Старостиной, которой необходимо срочно вернуть долг в тысячу триста долларов. «Но» заключалось в том, что, отдай я две тысячи долларов, это привело бы к флуктуации второго порядка.

– Даже не знаю... – протянул я.

– Вы мне не верите? Не верите, что я дочь Вероники Львовны? – засуетилась Злата и схватилась за сумочку. – Я могу паспорт показать...

Именно эта сумочка и послужит причиной флуктуации. Войдя в лифт, Злата решит пересчитать деньги, достанет из сумочки, начнёт считать, но спрятать назад не успеет. Так и выйдет из лифта, держа пачку долларов в руках. В это время на её беду на лестничной площадке совершенно случайно окажется некто Аркадий Власенко, шатен, тридцати двух лет, безработный. Увидев в руках девушки крупную сумму, он сойдёт с ног, выхватит деньги и убежит. И хотя через три дня его поймают, это событие приведёт к локальной флуктуации, колебания которой сойдут на нет лишь через шесть лет.

– Что вы, Злата, зачем паспорт? – укоризненно покачал я головой. – Верю вам, вы с мамой похожи как две капли воды. Просто у меня при себе такой суммы нет. Я снимаю деньги со счёта в день оплаты.

– Как жаль... – расстроилась Злата. – Мы так надеялись... А сколько у вас есть? – с надеждой спросила она.

Если я дам точно тысячу триста долларов для покрытия долга, то пересчитывать деньги в лифте она не станет и спокойно разминётся с Аркадием Власенко. Выйдя из подъезда, она решит сэкономить деньги на такси и направится к метро. На перекрёстке её догонит на мотоцикле вор-барсеточник Денис Птахин, брюнет, двадцати трёх лет, выхватит злополучную сумочку и умчится в переулочек. Милиция его так и не найдёт, и эта флуктуация растянется на срок около трёх лет.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Сейчас посмотрю.

Я встал, прошёл в кабинет, достал из сейфа пачку долларов и отсчитал полторы тысячи. Эти деньги она не будет пересчитывать в лифте и не пойдёт с ними в метро. Сядет в такси на стоянке у дома и спокойно доедет до своей подруги. И никакой флуктуации не случится.

– Полторы тысячи вас устроит? – спросил я, выходя из кабинета.

– Ой... – обомлела в первый момент Злата и тут же расцвела счастливой искренней улыбкой, а я снова пожалел, что пиллиджером не рекомендуется

заводить тесные связи с местными. – Вот, спасибо! Вы нас так выручили...

Она вскочила со стула, взяла деньги, сунула в сумочку и сделала движение по направлению к двери.

– Что вы так торопитесь? – пожурил я. – Кофе не допили... Садитесь, не лишайте меня удовольствия позавтракать с красивой девушкой.

От лести щёки Златы снова пыхнули румянцем, и любой другой человек на моём месте определённо заподозрил бы в ней мошенницу.

– Спасибо, Егор Николаевич... – Брови Златы страдальчески изогнулись. – Но... Но мне действительно пора. Очень срочное дело.

– Хорошо, Злата, не буду задерживать, – кивнул я, – однако с одним условием.

– Каким? – насторожилась девушка.

– В следующий раз, когда мы встретимся, вы не будете величать меня по имени-отчеству. Просто Егор. И на «ты». Я старше вас лет на пять, не больше.

В этот раз она одарила меня не только искренней улыбкой, но и открытым взглядом голубых бездонных глаз. Таких взглядов на Тверской не встретишь.

– Договорились... Егор! – рассмеялась она и застучала каблучками в прихожую.

Я тоже не стал ждать следующего раза.

– Такси возьми, – провожая её до двери, на всякий случай посоветовал я. – Всё-таки при тебе крупная сумма.

– Обязательно! – заверила она. – До свиданья, и ещё раз огромное спасибо.

– До свиданья.

Я подождал, пока она не войдёт в кабину лифта, закрыл дверь, прошёл в гостиную, раздёрнул шторы и выглянул в окно. Злата вышла из подъезда, спустилась по ступенькам к стоянке такси и уехала. Вот и всё, не будет никаких флуктуаций, и таймстеблю не к чему придраться. По закону он и так не имел права ничего инкриминировать в случае флуктуаций второго порядка, но закон и своеволие бюстителей стабильности разные вещи. Почти полярные.

Вернувшись к столу, я проглотил несколько бутербродов, но милая девушка Злата никак не шла из головы. Вот если бы...

«Нет, дорогой друг, так не пойдёт», – одёрнул я себя. В долгосрочных связях с местными можно так запутаться, что ни один вариатор не подскажет выхода из клубка флуктуаций. Только вытирка.

Зазвонил телефон. Я покосился на него, но не стал подходить. Налил вторую чашку кофе и принялся пить маленькими глотками, пока телефон не замолчал. Смешная ситуация – подними я трубку, случилась бы флуктуация второго порядка с десятилетним сроком затухания. При этом я, на первый взгляд, не имел к флуктуации никакого отношения. Бывает и такое... Звонил некто мне не известный Антон Семернов. Звонил он своей подружке, но ошибся номером. Если бы я поднял трубку, то он, услышав мужской голос, подумал бы, что его подружка с любовником. Больше не перезванивая, он помчался бы к ней домой, никого постороннего не застал, но устроил бы скандал и жестоко, до полусмерти, избил. Она бы на месяц попала в травматологию, он – на четыре года в тюрьму, а флуктуационный след повис бы на мне мёртвым грузом. А так Семернов сейчас перезвонит, услышит голос зазнобы, и всё будет в порядке. За исключением того, что через полгода он действительно застанет подружку с любовником и в порыве необузданной ярости убьёт обоих. Но это уже будет не флуктуация, а естественный ход событий, и к нему я не буду иметь никакого отношения.

Вот такие пироги...

Общие процессы развития человеческой цивилизации удобно сравнивать с процессами кристаллизации. Например, если при кристаллизации алмаза в исходный графит добавить одну десятитысячную долю меди, то получится кристалл алмаза голубого цвета. То есть, минимальные добавки способны изменить, пусть и не кардинально (алмаз так и остаётся алмазом), некоторые свойства кристалла (в данном случае алмаз приобретает способность частично

отражать голубую часть спектра солнечного света). С другой стороны, как ни переставляй местами атомы углерода в кристаллической решётке алмаза, он так и останется алмазом, ни на йоту не изменив своих свойств. Приблизительно то же самое происходит и с историей человеческого общества, развитие которого определяется личностями (атомами меди), а отнюдь не посредственностями (атомами углерода). Иное дело, что личности (атомы добавок в исходное сырьё) способны как катализировать, так и ингибировать процессы развития общества, иногда доводя результат до крайних пределов (что в процессе кристаллизации технологических расплавов выражается в получении неоднородного шлама, либо полного сгорания исходного сырья). Так, например, Птолемей на полторы тысячи лет приостановил (ингибировал) развитие космогонии геоцентрической теорией со сферой неподвижных звёзд, хотя ещё за пятьсот лет до него в Греции многие перипатетики, противореча своему учителю Аристотелю, высказывали догадки о бесконечности Вселенной и гелиоцентрическом устройстве Солнечной системы. Эйнштейн же, выдвинув общую теорию относительности, катализировал процесс познания окружающего мира, опередив своё время на несколько сот лет. А Резерфорд, предложив планетарную модель строения атома, на многие столетия затормозил движение к правильному пониманию строения материи, хотя уже и в его время многие высказывали догадки о многомерности микрокосма. Но кто такие были рядовые перипатетики в сравнении с Аристотелем, или неостепенённые научные сотрудники против Резерфорда? Так, атомы углерода...

Это всё касается естественного хода истории. Но если предположить, что кто-то овладел способом путешествия во времени и может отправиться в любую хронологическую точку истории Земли, тогда всё может перевернуться с ног на голову. В таком случае для катализа или ингибирования хода истории не требуется быть семи пядей во лбу, а достаточно сесть в хроноскаф, перенестись, скажем, в Каменноугольный период и поголовно истребить всех крупных рептилий, тем самым освободив экологическую нишу для млекопитающих. Для таких действий можно быть и рядовым «атомом углерода», главное, иметь хроноскаф.

Благодаря открытию Гудкова, которое он обнародует через пять лет, у меня такой хроноскаф есть. Правда, садиться в него не надо, достаточно достать из кармана, набрать на пульте нужное время и нажать кнопку «Старт».

Я закончил завтракать, переоделся, взял приготовленный загодя кейс, вышел на лестничную площадку и закрыл дверь. Затем достал из кармана хроноскаф, в

просторечии именуемый «джамп», набрал «20 июля 2001 года, 13 часов 20 минут» и нажал на «Старт».

Глава третья

На лестничной площадке практически ничего не изменилось. Даже кремовый цвет панелей в подъезде был таким же, как пять лет спустя. Только солнечные блики, падавшие из окна на правую стену, рывком переместились на левую – я вышел из дому в начале одиннадцатого, а здесь уже половина второго. Конечно, можно синхронизировать время суток, но я не стал мудрствовать и воспользовался предложенной вариатором версией, когда на лестничной площадке никого не будет ни в момент отправления, ни в момент прибытия. Первый вариант всегда самый надёжный, исключающий возникновение флуктуаций.

Спустившись на лифте, я вышел из подъезда, прошёл к стоянке такси и сел в машину на заднее сиденье.

– В Шереметьево.

Шофёр попался на редкость молчаливый, и мне это было на руку. Когда до аэропорта оставалось совсем немного, я достал из кейса лингвистический программатор, выбрал позицию «американизированный английский язык, виржинское произношение», вставил в ухо детектор, оформленный под наушник аудиоплеера, и прикрыл глаза, якобы наслаждаясь музыкой. Когда через пять минут я открыл глаза, то увидел, что мы подъезжаем к зданию аэропорта. Я отключил программатор, спрятал в кейс, а когда такси остановилось, молча, не торгуясь, расплатился. Ни к чему демонстрировать шофёру ломанный русский с виржинским акцентом. Американцу Тэдди Смиту проще проходить паспортный и таможенный контроль. Русского Егора Никишина обшарили бы с головы до ног по всем интимным закоулкам тела, как в московском аэропорту, так и нью-йоркском.

Билеты в Нью-Йорк на двадцать пятое августа и на двадцать восьмое обратно я купил без особых хлопот, и до следующего скачка у меня оставалось полчаса. Как ни точно рассчитывает вариатор ситуации, всегда надо иметь в запасе

свободное время. Скачки во времени совершаю не только я, поэтому погрешность всегда имеет место. И чем больше таких скачков, тем выше погрешность, хотя она и не доходит до рамок флуктационных колебаний. Вроде того, что очередь у кассы может оказаться длиннее, билеты будут оформлять дольше, и ты можешь не успеть к оптимальному скачку. На реальности это никак не скажется, но нервы попортит. А нервы нужно беречь для работы.

Я поднялся на второй этаж, побродил по залам ожидания, постоял у широкого окна с видом на взлётное поле с комфортабельными лайнерами различных компаний. Хорошо здесь живут, широко, вольготно... Золотой век. В нашем веке дальше двадцати метров ничего не увидишь из-за едкого мглистого тумана. С другой стороны, насколько знаю, и тут находятся недовольные техногенным развитием цивилизации, ратующие за возврат к природе, защиту окружающей среды, запрещение трансгенных овощей и фруктов и употребление в пищу только экологически чистых продуктов. Эх, не едали они мутагенный лишайник, не жили в квартирке, меньше туалетной кабинки... Через пятьдесят лет, когда будут исчерпаны все природные запасы нефти, на Земле такое начнётся, что Армагеддон покажется Луна-парком. Счастье, если твой организм сумел мутировать и приспособиться к потреблению плесени, мхов, лишайников, но если ты реликт, неспособный к мутации...

Ощущение на себе чужого взгляда подействовало как укол стилета и напрочь отсекло меланхолические воспоминания. Жить здесь, несомненно, хорошо, но и расслабляться не следует.

Лениво, как пассажир, мающийся от безделья до посадки в самолёт, я неторопливой походкой направился к эскалатору и скучающим взглядом прошелся по залу ожидания. Людей было немного, и никто на меня не обращал внимания. Ни у одного человека я не заметил ауры флуктационного следа, но ощущение острого изучающего взгляда не проходило. Кто бы это мог быть, и зачем за мной наблюдал? Ни местных, ни наших законов я не нарушал... И только ступив на эскалатор, я, наконец, определил направление взгляда.

Взявшись за перила, я оглянулся, равнодушным взглядом прошёл по потолку и в углу заметил направленный на меня объектив камеры слежения. Взгляд наблюдателя был настолько пристальным, что чувствовался сквозь просветлённую оптику. Чем я мог заинтересовать службу безопасности аэропорта? Тем, что, купив билет на рейс, вылетающий за границу через месяц, не покинул здание аэропорта? После одиннадцатого сентября такой пассажир,

несомненно, может привлечь к себе внимание, но сейчас причина выглядела надуманной. Что-то другое стояло за пристальным взглядом из телеобъектива, но что именно, я не стал гадать, так как через десять минут меня тут не будет. Меньше будешь знать, крепче будешь спать.

Спустившись на первый этаж, я направился через зал к туалету, вошёл и огляделся. Пару человек мыли руки, один брился электрической бритвой у зеркала, ещё один стоял у писсуара. Половина кабинок была заперта изнутри, но третья кабинка от окна, как и предсказывал вариатор, была свободной. Не знаток русского языка, для меня он настолько же архаичен, как для местных древнеславянский, но, по-моему, слово «нужник» образовалось на основе словосочетания «нужное место». Иронизировать по этому поводу можно сколько угодно, но кабинки туалета являются наиболее подходящими точками при перемещении во времени – никто не видит, как путешественник исчезает в никуда и появляется из ничего. Во всех отношениях «нужное место». Главное, вычислить на вариаторе время, когда кабинка оказывается пустой, чтобы не оказаться на коленях у местного, использующего кабинку по прямому назначению.

Я заперся в кабине, достал из кармана джамп, выставил на нём «25 августа 2001 года, 12 часов 44 минуты», выждал три минуты до оптимального времени скачка и нажал «Старт».

Ничего вокруг не изменилось, кроме звука. Исчезло журчание льющейся из крана воды, шарканье подошв по полу, зато появился гудящий однообразный звук, будто кто-то забыл выключить тепловентилятор для сушки рук. Дверь в кабинку была приоткрыта, я посмотрел в щель и увидел, что кое-что всё-таки изменилось. На двери была новая щеколда. Моя оплошность – забыл перед скачком открыть дверь, и персоналу аэропорта пришлось её взламывать, а затем ставить новую щеколду. Я глянул на руки и с облегчением убедился, что свечение флуктационного следа в норме. Иногда такие мелочи боком выходят, но в этот раз пронесло. В переносном смысле, конечно.

С чувством выполненного долга я открыл дверь, направился к умывальнику и вдруг увидел, что в туалете никого нет, кроме уборщика, елозившего гранитные плиты пола электрополотёром. Вероятно, перед началом работы уборщик проверял кабинки, потому что смотрел на меня выпученными глазами, как на привидение.

Чтобы не усугублять ситуацию, я не стал мыть руки, живо проскользнул мимо уборщика и скрылся за дверью. С обратной стороны на ручке двери висела табличка «Технический перерыв с 12 до 13 часов». Н-да, внимательней нужно относиться к рекомендациям вариатора, чтобы не оказаться в глупом положении. Хотя, может быть, по версии вариатора уборщик к этому времени должен был закончить работу и уйти, но новая щеколда на дверце кабинки внесла микроскопические изменения в реальность.

Я снова посмотрел на руки и убедился, что аура флуктационного следа светилась в пределах нормы. Либо уборщик не станет никому рассказывать, как из некогда закрытой изнутри пустой кабинки, в которой из-за этого пришлось менять замок, выскользнуло вполне респектабельное привидение с кейсом в руках и поспешило на взлётную полосу, либо ему никто не поверит. Но даже если кто-то и поверит в легенду «о привидении из туалетной кабинки», то это никак не скажется на ходе всемирной истории.

До регистрации на рейс оставалось немногим более часа, и я решил перекусить. Поднялся на второй этаж, взял в кафетерии парочку бутербродов, бутылку понравившегося мне «баварского» пива и сел за столик. Потягивая пиво, я рассеянным взглядом окинул зал ожидания, краем глаза не упуская из виду телеобъектив камеры наблюдения в углу под потолком. Медленно поворачиваясь, камера пару раз прошла по мне, но и не подумала задержаться. А вот это уже плохо. Если бы в прошлый раз интерес ко мне проявила местная служба безопасности, то снимки моей личности хранились бы в памяти системы, и камера на мне непременно бы остановилась. Абы да кабы... Значит, мной интересовалась служба стабилизации, а это значительно хуже. Чего им надо? Неужели встреченный мною в казино блюстителем стабильности настолько злопамятен, что глаз с меня спускать не будет? Было бы из-за чего проявлять злопамятность, в принципе, я ничего обидного не сказал...

Кто-то затеребил штанину, я посмотрел под столик и увидел потешного рыже-серо-белого котёнка, требовательно заглядывающего мне в глаза. Наверное, хозяевам запретили брать на борт животное, и им пришлось оставить котёнка в аэропорту. Не повезло бедолаге, несмотря на счастливый трёхцветный окрас. Я бросил на пол кусочек ветчины, котёнок её мгновенно проглотил, но больше выпрашивать не стал, а направился к следующему столику и принялся теревить за брюки очередного посетителя кафетерия. Может, и бросили хозяева, но котёнок обжился и теперь по-свойски обходил пассажиров, собирая с них дань в духе времени. Этакий кошачий рэкетир. Хорошо, если бы мной интересовался

только котёнок...

Я снова обвёл зал ожидания взглядом, нашёл одного пассажира со слабым мерцанием флуктационного следа и, приглядевшись, едва не поперхнулся бутербродом. Это был тот самый таймстебель из казино. Лёгкок на помине!

Таймстебель сидел на диване и делал вид, что читает газету. Как же, так я и поверил, что читает! Смотрит на неё и слюнки глотает, что не может съесть у всех на виду. Не прав я был, когда утверждал, что постантов в прошлом нечем заинтересовать. Их желудки прекрасно переваривают щелочённую целлюлозу, и газеты для них, почти как для обычных людей шоколадки – вкуснее ржавой плесени. В наше время они книжные фонды всех библиотек подчистую съели. Кто бы из местных мог подумать, что на смену Homo sapiens придёт не предрекаемый высокогуманный Homo novus, а такой вот Postantropos?

Я машинально жевал бутерброд, запивал пивом и пытался осмыслить ситуацию. Можно встать и уйти, но проблемы это не решит. Если блюстителю стабильности прицепился именно ко мне, так просто от него не отделаешься. Проблему надо решать, и иного способа, кроме как идти напролом, я не видел. Беда только в том, что Александр Македонский разрубил Гордиев узел выверенным ударом, а у славян, когда рубят лес, щепки летят. Как бы дров не наломать...

Допив пиво, я встал из-за стола, решительным шагом подошёл к блюстителю стабильности и сел рядом.

– Топрый тень, – сказал я. Хотел сказать твёрдо, на чистом русском языке, но внедрённая в сознание лингвистическая программа выдала фразу с американским акцентом. Ещё одна накладка – не готовился я к беседе с таймстеблем, готовился к другому.

Блюститель стабильности оторвался от газеты, повернул голову и окинул меня равнодушным взглядом. Глаза у него были тёмные, тускло-зелёного цвета, почти как вчерашняя гадость из стакана в баре казино.

– Здравствуйте, – бесцветным голосом сказал он. – Мы знакомы?

– А как ше! – заверил я. – Фот уше дискретные сутки. Или пят лет тому фперёт опшехо фремени.

– Не путайте своё дискретное время с моим, – сухо заметил таймстебель. – Я вас не знаю.

В отличие от встречи в баре казино, сейчас он обращался ко мне на «вы», мёртвые глаза, цвета тины, ничего, кроме безразличия, не выражали, но я ему не верил.

– Тохта тафайте снакомитца, – пошёл я напролом. – Тэотор Смит.

Я специально назвал нынешнее американское имя и, кажется, не ошибся. В тусклых зрачках таймстебля мигнуло что-то ироническое, и я понял, что ему известно и моё русское, и настоящее имя. Зачем он тогда Ваньку валяет?

– Здесь или там? – прищурившись, поинтересовался он и мгновенно разрушил мою версию. Ирония могла относиться исключительно к именам, а не к тому, что он их знал.

– Тут.

– Тут я Игорь Анатольевич Воронцов, – кивнув, представился таймстебель. – У вас, пиллиджер, какие-то проблемы, если обращаетесь к блюстителю стабильности?

– Моя проплема – это фы.

– В каком смысле? – подняв бровь, холодно поинтересовался он.

– Сатшем фы са мной слетите? Неушли в самом теле настолько слопамятны? Фаша оппита на меня в касино не стоит и выетенохо яйтса!

Воронцов помрачнел, аккуратно сложил газету и сунул её в карман пиджака. Только сейчас я обратил внимание, что на таймстебле тот же костюм, в котором он был в моём дискретном вчера в казино. За пять лет костюм никак не мог так хорошо сохраниться.

– Вот что, пиллиджер, – сухо сказал он, вставая с дивана, – не знаю, что за беседа произойдёт между нами в будущем, но если вы и впредь будете

приставать ко мне с некорректными вопросами, то плотную опеку я вам гарантирую. – Он наклонился ко мне и заглянул в глаза. Его неподвижные тусклые зрачки не сулили ничего хорошего. – Надеюсь, вам не нужно объяснять, во что это может вылиться?

Похолодев, я кивнул.

– Вот и славненько... – Таймстебель выпрямился, повертел головой, прислушиваясь к информации диктора аэропорта из репродуктора. – Кстати, ваш рейс, – заметил он и неторопливо побрёл из зала ожидания, шаркая подошвами по полу.

«Чтоб ты подавился газетой, когда будешь её жевать!» – вертелось на языке, но я ничего не сказал. И без того дров наломал... Весь наш разговор был сплошной интермедией. Откуда таймстеблю Воронцову известно, каким рейсом и куда я лечу? Нет, ребята из службы стабилизации, шалите, что-то вы вокруг меня плетёте... Но почему именно вокруг меня, мало других пиллиджеров? Я тоже хочу жить как все – спокойно, в своё удовольствие, не преступая закон. Таких пиллиджеров, как я, в пример нужно ставить, а не держать под колпаком.

Голос диктора из репродуктора объявил, что продолжается регистрация на рейс «Москва – Нью-Йорк», но я и не подумал сдвинуться с места. Может, отказаться от акции? И там плохо, и тут несладко... И только когда из репродуктора донеслось сообщение, что регистрация на мой рейс заканчивается и начинается посадка, я встал и побрёл к стойке регистрации. А что я мог поделать? Чтобы жить, нужны деньги, а чтобы иметь деньги, нужно их зарабатывать. Любым путём. Вот я и плету сети, ловлю в них своих «мушек», а кто-то плетёт сети, чтобы охотиться на меня. Все мы такие пауки в банке – огромной банке под названием Земля.

В сумрачном настроении я прошёл регистрацию, таможенный досмотр, сел в самолёт. К счастью, салон в самолёте оказался полупустой, соседей у меня не было, и никто не докучал разговорами.

Когда мы взлетели, стюардесса стала предлагать напитки. Вначале я хотел отказаться, но передумал и заказал «баварское» пиво. Стюардесса принесла банку, я открыл её, отпил и поморщился. Пиво было настоящим немецким, но куда ему до отечественного «баварского». Говорят, что в средние века в

Германии качество пива проверяли, усаживая пивовара в кожаных штанах в лужу пива на скамье. Если через полчаса пивовар вставал вместе со скамьёй – пиво удалось. Я же оцениваю качество пива не штанами, а на вкус, и по этому показателю немецкое пиво мне пришлось не по душе.

Я вернул пиво стюардессе, отказался от других напитков и решил поспать. Что у меня хорошо получается, так спать по заказу – от и до. Сказал себе: «Спать» – и сплю сколько нужно, а просыпаюсь точно по заказанному времени благодаря прекрасно настроенному биологическому хронометру. Да и чем мне сейчас заниматься? Вылетел в пятнадцать часов по московскому времени, а приземлюсь в шестнадцать часов по нью-йоркскому. Тоже своего рода путешествие во времени, только девять часов полёта девать некуда. А так, как говорится, утро вечера мудренее... Быть может, после сна настроение улучшится.

Весь полёт я проспал, но когда перед посадкой проснулся, настроение нисколько не улучшилось. В том же мрачном настроении я взял в аэропорту такси и поехал в четырёхзвёздочный отель «Виржиния», номер в котором забронировал из Москвы. Если я американец и у меня виржинский выговор, надо быть патриотом. Любят американцы патриотизмом бравировать, хлебом не корми.

Миновав швейцара, я вошёл в обширный холл отеля и направился к стойке администратора. И обстановка, и администратор, плотный мужчина среднего роста в тёмном костюме, были мне знакомы по информации вариатора.

– Добрый день, – поздоровался я, поставил на пол кейс и прижал его ногой к стойке.

– Добрый день, сэр, – кивнул администратор. – Желаете у нас остановиться?

– Да. У меня забронирован номер. Тэдди Смит из Виржинии.

– Минутку, сэр. – Он склонился к компьютеру, и я прочитал на визитке, приколотой к лацкану пиджака «Берни Кэшью, администратор». – Из Виржинии, говорите? Вы патриот...

В отличие от меня выговор у него был чисто нью-йоркский, но слово «патриот» он произнёс с таким значением, будто иного от добропорядочного гражданина и

не ожидал. На что я и рассчитывал.

– Добрый день, Берни! – услышал я из-за спины.

Администратор поднял голову, посмотрел и расплылся в радушной улыбке.

– Моё почтение, сэр Джефри!

Я принципиально не обернулся.

– Извините, – сказал мне администратор, – вас сейчас обслужат. – Он повернулся к девушке, стоявшей рядом за стойкой, и попросил: – Салли, обслужи клиента. Извините, – ещё раз сказал мне, и отошёл в сторону к некоему сэру Джефри.

А вот такой вероятности мне вариатор не выдавал. Впрочем, я не обсчитывал на вариаторе возможные ситуации в холле отеля – увидел, что регистрация пройдёт без флуктуаций, и не стал рассматривать варианты.

Девушка села к компьютеру.

– Добрый день, сэр.

– Уже не очень, – спесиво буркнул я, кивнув в сторону отошедшего администратора.

– Приносим извинения за заминку, сэр, – корректно сказала девушка, – но сэр Джефри наш постоянный клиент. Я вас быстро обслужу.

Сбоку доносился оживлённый разговор между администратором и постоянным клиентом отеля. Сэр Джефри говорил на правильном английском языке, и сразу становилось понятно, что гость с туманного Альбиона. А некоторая сухость в речи заставляла предполагать, что обращение к нему «сэр» не просто вежливая форма, а титул.

Салли глянула на дисплей компьютера.

– Тедди Смит?

– Да, – кивнул я и невольно улыбнулся. К блузке девушки была приколата визитка с надписью «Салли Гудмэн, портье». Любопытные фамилии встречаются у американцев: Гудмэн – Хороший Мужчина. Где-то я читал, что имена и фамилии влияют на сексуальную ориентацию человека. Салли была симпатичной девушкой с аккуратной причёской, серыми глазами, вздёрнутым носиком, губками бантиком, и в то, что она могла оказаться «хорошим мужиком», верилось с трудом. А там – чёрт его знает...

– Тедди Смит, – прочитала портье с дисплея, – заказ на одноместный номер с двадцать пятого числа, оплачено за трое суток. Верно?

– Верно.

Оплату я произвёл заранее по электронному счёту.

– Номер пятьсот три, северная сторона, как вы просили, – сказала она и протянула карточку магнитного ключа от номера. – Пятый этаж.

– Спасибо.

– Всего вам доброго, – напутствовала портье.

Я отвернулся от стойки и наконец-то прошёлся взглядом по таинственному сэру Джеффри, внёсшему коррективы в предсказанную вариатором реальность. Это был молодой, высокий, с волевым лицом голливудской кинозвезды, белокурый мужчина в безукоризненно сшитом сером костюме. Как я и предполагал, вокруг его фигуры мерцала аура флуктационного следа. А кто ещё мог изменить предсказанную вариатором реальность? Только хронер.

Подхватив с пола кейс, я направился к лифту. Судя по здоровому цвету лица, сэр Джеффри никак не мог быть постантом, а значит, и агентом службы стабилизации. Выходит, он такой же, как я, пиллиджер. Конкурент. И место работы у нас совпадает. Что ж, посмотрим, кто кого. С его броской внешностью нелегко заниматься нашим ремеслом.

Лифтёр распахнул передо мной двери лифта и вошёл следом. И вдруг догадка обожгла меня ледяным холодом. Если вокруг меня вертятся блюстители стабильности, то не означает ли это, что мы с сэром Джеффри схлестнёмся во время акции?! И схлестнёмся так, что...

– Сэр? – вежливо поинтересовался лифтёр.

– Что? – раздражённо буркнул я.

– Какой этаж, сэр?

– Пятый... – тяжело вздохнул я. Перспектива предстоящей акции представлялась мне в отнюдь не розовом свете.

Номер, на удивление, оказался весьма приличным. Не «Хилтон», конечно, но и не московская гостиница. В Москве такой номер и в пятизвёздочном отеле редко встретишь, да и сдерут за него втридорога – на себе испытал «прелести» московской гостиничной жизни, не доверяя рекомендации службы стабилизации по поселению в квартире сталинского небоскрёба.

Но сейчас мне было не до комфортабельности нью-йоркского отеля. Весь вечер и половину ночи я перебирал на вариаторе всевозможные ситуации, в которые мог попасть во время акции, но ни в одной из них не обнаружил следов сэра Джеффри. В принципе, вариатор показывал реальные события, и только когда я вносил в него те или иные коррективы со своим участием, он демонстрировал возможные варианты реальности. Грубо говоря, решалось уравнение с одним неизвестным (в роли которого выступал я), и, в зависимости от моих действий, прогнозировалось поведение местных. Уравнение с двумя неизвестными (со мной и ещё одним хронером) вариатор мог решать только в том случае, если был напрямую подключён к вариатору второго хронера. И всё же действия второго хронера можно засечь, так как любая подготовка акции на вариаторе оставляет флуктационный след изменения реальности, что сказывается на погрешности вычислений, если аналогичную работу с данной реальностью надумает провести ещё один хронер. В моих же проработках погрешность была в пределах нормы.

Из моего полуночного бдения напрашивались следующие выводы:

1. Сэр Джефри ещё не проводил обсчёт реальностей своей акции.
2. Акция сэра Джефри не совпадает с моей по времени.
3. Акция сэра Джефри не совпадает с моей по месту действия.
4. Свою акцию сэр Джефри собирается проводить в качестве инертного наблюдателя.

Однако тщательный анализ моих выводов поставил меня в тупик.

Первый пункт отпадал по следующим причинам: скрупулёзный обсчёт реальностей акции требует нескольких недель, если не месяцев, а до События осталось две с половиной недели. Ни один уважающий себя пиллиджер не позволит себе прибыть к месту проведения акции без вариативной подготовки. Идти «на арапа» в хроноакции могут только дремучие люди, а сэр Джефри не производил впечатления лоха. Отнюдь. Деньги у него имелись и немалые, если он мог себе позволить быть завсегдаем отеля.

Второй пункт не выдерживал критики, так как Событие, ради которого я сюда прибыл, оставляет для акции не более часа, и не пересечься с другим пиллиджером во времени мы никак не могли.

Третий пункт также был весьма сомнителен. Если бы какой-нибудь местный каким-то образом узнал о Событии и действовал бы без джампа, он мог обогатиться миллионами, если не миллиардами долларов. В отличие от местного, пиллиджер, к сожалению, может брать только те деньги, которые не приведут к флуктационному сдвигу реальности. Таких денег, вычисленных мной на вариаторе, насчитывалось около ста пятидесяти тысяч, из которых моя добыча составляла сто тридцать. Оставшиеся двадцать тысяч я предпочёл не брать, так как для этого требовалось быть в одно и то же время в двух, а то и трёх близких друг к другу местах. Рассчитать временную петлю практически невозможно, и последствия, если решиться на неё, непредсказуемы. Лучше довольствоваться частью и не жадничать, чтобы не подавиться. Бережёного и Бог бережёт. Вряд ли сэр Джефри нацелился на оставшиеся тридцать тысяч – слишком маленькая сумма для пиллиджера. К тому же тогда наши пути обязательно пересеклись бы во времени, что непременно, согласно пункту

второму, отразилось бы на погрешности моих расчётов.

Оставался четвёртый пункт, весьма нелепый для хронера. Зачем, спрашивается, хронеру инертно наблюдать за Событием? Дивидендов это не приносит, на что же он тогда здесь живёт? Инертно наблюдают за событиями только блюстители стабильности, но они все постанты, а сэр Джеффри ярко выраженный реликт. Или служба стабилизации наняла его в качестве агента, чтобы следить за мной? Это что ещё за инспекция? Я о такой не слыхал...

Было ещё одно предположение, но я его даже не стал вносить в перечень рассматриваемых вопросов. Когда Гудков открыл принцип перемещения во времени и испытал первую установку на практике, никакой службы стабилизации не было. Точное время создания службы стабилизации не известно, но, думаю, лет пятьдесят, как минимум, совершались неподконтрольные никому перемещения. Быть может, сэр Джеффри из тех самых времён? В пользу такой гипотезы вроде бы свидетельствует его не в пример здоровый для реликта внешний вид... В то же время служба стабилизации должна знать наперечёт все перемещения «диких» хронеров прошлого и держать их под неусыпным контролем. Естественно, я не могу обсчитать поведение «дикого» хронера, равно как и обычного, и здесь остаётся только надеяться, что служба стабилизации не спит, не дремлет, и мне ничего не грозит.

Так и не придя ни к какому выводу, я отодвинул в сторону вариатор и откинулся на спинку кресла. Третий час ночи. Выверенный на вариаторе по минутам и действиям распорядок полетел к чёртовой матери. В восемь часов вечера я должен был поужинать в ресторане и сейчас спать младенческим сном, чтобы с утра, свежим и бодрым, приступить к работе.

Недосып для меня серьёзной роли не играл – достаточно выспался в самолёте, а поесть не мешало. Я снова пододвинул к себе вариатор, задал координаты гостиничного ресторана, нынешнее время и с удовольствием узнал, что ресторан работает круглосуточно. Обсчёт на вариаторе заказа ужина в номер показал, что флуктуаций в связи с этим не намечается, за исключением заказа супа из акульих плавников. И в мыслях не было заказывать суп из акульих плавников, поэтому я не стал проверять, что могло бы случиться. Всего не объять, да и ни к чему. Когда приходится жить, контролируя каждое движение, слишком накладно интересоваться, что произойдёт, если сделаешь шаг в сторону. Такие мелочи следует просчитывать в акции, когда шаг в сторону может получиться

непроизвольным.

Позвонив в ресторан, я заказал две телячьи отбивные, овощной салат и минеральную воду. Услышав, что поздний ужин доставят через полчаса, я положил трубку, разделся и принял контрастный душ.

Посыльный доставил обед ровно через полчаса, немного удивился, что я в номере один, но ничего по этому поводу не сказал. Я расплатился, дав, как и рекомендовал вариатор, в меру щедрые чаевые, выпроводил посыльного и сел ужинать.

Не перестаю восхищаться местной кухней. Отбивные были тёплыми, сочными, овощи в салате свежими, хрустящими, с неповторимым вкусом живой растительности. Такое может понять только человек, который всё детство и юность глотал жиденькую похлёбку из переваренного мутагенного лишайника.

Когда я голоден и ем в одиночестве, во мне просыпается неуёмная жадность. Ужин я проглотил в одно мгновение, естественно, не насытился, но в еде стараюсь себя ограничивать. Обрастать жирком при моей работе непозволительная роскошь. Пиллиджер, который утратил сноровку, растолстел, стал неповоротлив, приобрёл одышку, уже не пиллиджер. Надо, надо приучать себя есть медленно и понемногу, хотя не уверен, что у меня это когда-нибудь получится. До конца жизни не утрачу жадности к еде. Любой реликт со мной согласится.

Я настолько потерял контроль над собой, что чуть не вылизал все тарелки, но вовремя спохватился. Стоит расслабиться один раз в одиночестве, как это может повториться на людях. И всё же маленькую слабость я себе позволил, кусочком хлеба вымакав досуха соус. Добрая тут еда.

Глава четвёртая

Проснулся я точно в половине восьмого по биологическому хронометру. Принял душ, побрился, оделся, взял кейс и вышел из номера ровно в восемь ноль две, ни на йоту не отступая от рекомендаций вариатора. График есть график.

Неукоснительное соблюдение графика во время акции – основа благополучия пиллиджера.

Закрывая двери номера, я загадал: если не встречу сэра Джеффри, всё пройдет как по-писанному. А если встречу... Чёрт, а если встречу?! Об отмене акции не может идти речи. И не только потому, что затратил на её подготовку два с половиной месяца, днями и ночами скрупулёзно обсчитывая вероятности. Наиболее весомым аргументом было то, что моих финансов, по самым радужным подсчётам, хватило бы месяца на два, а за это время разработать новую акцию практически невозможно. Если же попытаться, то всё равно всех нюансов не учёшь, и это почти то же самое, что идти на акцию совсем без проработки вероятностей. И где гарантия, что в следующей акции рядом со мной не окажется ещё один конкурент или инспектор службы стабилизации? То-то и оно...

Спускаясь на лифте, я заметил, что верхняя пуговичка на кителе лифтера болтается на ниточке, но ничего не сказал. Что можно сказать, если в настоящей реальности меня рядом не было? Пока всё шло, как и предсказывал вариатор, и незачем дестабилизировать сущность.

В холле тоже ничего не изменилось по сравнению с версией вариатора. Портье Салли разговаривала по телефону, администратор Бэрни что-то объяснял симпатичной девушке из триста третьего номера. Никким образом ни администратор, ни молодая постоялица отеля, ни их разговор меня не касались, поэтому содержание разговора выветрилось из памяти, и осталось только знание, что девушка из триста третьего номера. Бесполезное знание, но памяти не прикажешь. Пара постояльцев, степенно беседуя, сидели на диване, пили кофе. Ещё один сидел в кресле у окна, читал газету. За прилавком сувенирного киоска скучала продавщица. Сэра Джэфри нигде не было. И к лучшему.

«Если сейчас откроется входная дверь, – загадал я, – и войдут...»

Входная дверь распахнулась, пропуская носильщика с двумя объёмными чемоданами. За ним показалась пожилая чета туристов. На властном лице жены застыла гримаса вечного недовольства, фигура мужа выражала беспредельную покорность судьбе. Женщина спесивым взглядом окинула холл и не заметила, как зацепилась полкой жакета за ручку двери.

– Эндрю! – во весь голос возмутилась она, оборачиваясь к мужу. – Что ты меня дёргаешь! Вечно ты со своими шуточками!

– Дорогая, это не я, – с обречённым спокойствием пояснил муж, отцепляя полу жакета.

Администратор Бэрни прервал объяснения, посмотрел на шум, понимающе улыбнулся и снова повернулся к девушке.

Я тоже улыбнулся и, обойдя пожилую чету, направился к выходу. Пока никаких отклонений в версии не наблюдалось. Хорошо бы всё шло так до самого конца акции.

– Доброе утро, сэр, – приветствовал меня на ступеньках швейцар.

– Доброе утро, э... – Я посмотрел на визитку швейцара. – Том.

– Решили посмотреть достопримечательности города? – поинтересовался он. По висевшему у меня на груди фотоаппарату швейцар определил меня в туристы, и кейс в моих руках не поколебал его уверенности. – Такси? – предложил он.

– Нет, спасибо, пройдусь пешком.

Знал бы швейцар, что это за «фотоаппарат»...

– Удачной прогулки.

– Благодарю.

Происходившее вокруг по-прежнему ни на йоту не отклонялось от версии.

В кафе за углом я сел у окна, заказал лазанью и кофе. Официантка принесла лазанью, начала наливать кофе. Лицо у официантки было хмурым из-за утренней ссоры с мужем, и я, чтобы не нарваться на остатки её раздражения, перевёл взгляд за окно.

По тротуару шла не в меру полная негритянка в неприлично обтягивающем летнем платье и туфлях на высоких каблуках. Двое мальчишек пробежали мимо, толкнули её, она оступилась, подвернула ногу и сломала каблук.

– Нечего с такой фигурой надевать туфли на высоких каблуках, – фыркнула официантка.

Я молча расплатился, и официантка, демонстрируя с какой фигурой и как надо ходить на высоких каблуках, направилась к стойке. Но, не успела сделать и трёх шагов, как нога у неё тоже подвернулась. К счастью, каблук она не сломала.

– Не будешь в следующий раз злословить! – заметил из-за соседнего столика латиноамериканец в рабочей спецовке.

Официантка растерянно оглянулась, не нашла, что ответить, и, прихрамывая, скрылась в подсобном помещении.

Я улыбнулся – всё шло своим чередом, не отклоняясь от версии вариатора, – и не спеша принялся за лазанью. В медленном пережёвывании пищи есть свои прелести – чувствуешь вкус еды, аромат приправ. Сибаритом мне не стать, но, надеюсь, именно это научит не глотать пищу по-звериному, а степенно вкушать. По крайней мере, выделяться не буду.

Весь путь к Всемирному торговому центру я проделал пешком, отмечая мелкие детали, совпадающие с версией вариатора. Проходя мимо отеля «Hilton Millennium», останавливаться в котором мне категорически не рекомендовал вариатор, я спрятал под полу пиджака нуль-таймер, стилизованный под фотоаппарат, и точно в девять часов вошёл в холл южной башни. Лифтом поднялся на восемьдесят седьмой этаж, прошёл коридором в сторону кафетерия и свернул в туалет. Здесь я занял вторую от двери кабинку, закрылся, вынул из кармана джамп и выставил дату: «11 сентября 2001 года, 08 часов 40 минут». Затем, памятуя, что было в прошлый раз, открыл на двери щеколду и нажал «Старт».

В точке прибытия по причине раннего времени никого не оказалось. Тем не менее, я, выйдя из кабинки, помыл руки и высушил их под электрополотенцем. Это заняло две минуты. Затем я вышел в коридор и спустился по лестнице на восемьдесят шестой этаж. Это заняло ещё две минуты. Перед дверью я

задержался и посмотрел на часы. Восемь часов сорок четыре минуты. В семь часов пятьдесят пять минут пассажирский лайнер Boeing-737 авиакомпании «American Airlines» поднялся в воздух из аэропорта Бостона и через две минуты должен был прибыть в пункт назначения.

Я открыл дверь, вышел в коридор восемьдесят шестого этажа и свернул налево к стеклянной перегородке, за которой располагалась фирма «Chemical Technology, Ltd.» Сквозь матовое стекло просматривалась буйная зелень тропической растительности, отчего создавалось впечатление, что за перегородкой находится дендрарий, а не коммерческая фирма, занимающаяся сбытом химических реактивов. Кадки с пальмами и лианами находились только у входа, а дальше располагался большой зал, где, сидя за столами с компьютерами, трудились около двух десятков сотрудников фирмы. У входа в зал за высокой стойкой сидела миловидная секретарша Таня Хэлтон. Из версии вариатора я знал её имя, знал, что не только русских, но и славян в её роду не было, но в данной ситуации это не имело никакого значения.

– Доброе утро, сэр, – поздоровалась она, как только я вошёл в стеклянную дверь. – Вы к кому?

– Доброе утро, – кивнул я и подошёл к стойке. В реальности она оказалась ещё симпатичнее, чем на экране вариатора – вздёрнутый носик, милая россыпь веснушек, выразительные карие глаза. – У меня назначена встреча с...

Я перевёл взгляд за спину секретарши на окно, округлил глаза и сделал вид, что осёкся. Уловка сработала. Таня Хэлтон повернулась, и её лицо вытянулось от ужаса.

Boeing-737, который должен был совершать перелёт из Бостона в Лос-Анджелес, прибывал к месту своего последнего назначения. Тенью скользнув за окном, он врезался в соседнюю башню Всемирного торгового центра. Пол под ногами дрогнул, донёсся приглушённый звукоизоляцией стен грохот близкого взрыва, по толстым стёклам окон забарабанили мелкие осколки бетона.

Служащие фирмы повскакивали с мест и бросились к окнам. Никому до меня больше не было дела.

«Не будь меня, Таня, – про себя сказал я в спину секретарше, – тебе не довелось бы воочию увидеть катастрофу. Но это единственное, что я могу тебе предложить».

Никому из фирмы «Chemical Technology, Ltd.» уцелеть не удастся, так как в восемь часов пятнадцать минут из того же Бостона рейсом в тот же Лос-Анджелес поднялся Boeing-767 авиакомпании «United Airlines», конечным пунктом назначения которого будет южная башня Всемирного торгового центра. И через семнадцать минут randevу состоится.

Я не имел права никому помогать, никого жалеть. Никому помогать я не собирался, а вот с жалостью получалось сложнее. Мне было жаль миловидную секретаршу с русским именем, и здесь я ничего поделать не мог.

Пользуясь тем, что на меня никто не обращает внимания, я расстегнул пиджак, выставил на нуль-таймере экспозицию в один час пятнадцать минут, прошёл через зал и открыл дверь в кабинет управляющего фирмой Джеральда Тамта. Его имя я тоже знал, и это тоже не имело никакого значения, но управляющего Тамта, в отличие от секретарши Тани, мне несколько не было жаль.

Тамт стоял у окна и во все глаза смотрел на клубы дыма, вырывающиеся из горизонтальной прорехи в соседнем здании-близнеце. Он услышал, как за спиной открылась дверь, но не обернулся. Наверное, подумал, что вошёл кто-то из сослуживцев.

– Ужас! – сказал он треснутым голосом. – Нет, вы посмотрите, какой ужас!

– Да, – согласился я. – Ужас. То ли ещё будет.

Тамт повернулся.

– А вы... Вы кто?

– Фотограф, – несколько не смущаясь, заявил я и, взявшись за нуль-таймер, цинично добавил: – Разрешите запечатлеть вас на фоне самого дерзкого террористического акта начала третьего тысячелетия?

– Что?! – опешил Тамт. – Да вы... вы...

Я щёлкнул нуль-таймером, и управляющий застыл с открытым ртом и выпученными глазами у окна, за которым щерилась безобразной улыбкой пробоины северная башня Всемирного торгового центра. В реальности Джеральд Тамт должен был погибнуть при обрушении лестничного пролёта десятью этажами ниже, когда он, набив карманы пачками долларов из сейфа, попытается спуститься по лестнице. Костюм вместе с долларами сгорит, а обгоревший труп будет раздроблен обломками здания во время падения южной башни. Теперь же Джеральд Тамт погибнет здесь, поскольку, когда экспозиция закончится, и он сможет двигаться, до обрушения здания останется около трёх минут. Его костюм, не отягощённый пачками долларов, не сгорит, но труп постигнет та же участь, и перемена места гибели управляющего никак не скажется на течении всемирной истории.

Дверь изнутри я запирать не стал (в оставшееся до катастрофы время в кабинет никто и не подумает заглянуть), подошёл к обездвиженному Тамту и вынул из его кармана ключ. Вставил ключ в сейф, набрал кодовое слово и открыл дверцу.

Когда видишь штабеля пачек долларов на экране вариатора, это не производит того впечатления, как воочию. Не знаю точно, сколько здесь было наличности, но никак не меньше пяти миллионов. Однако «моих» денег всего пять пачек. Тех, которые должны были сгореть вместе с Тамтом. Остальные, рухнув с восьмидесят шестого этажа в закрытом сейфе, уцелеют, будут найдены во время разбора завалов и возвращены фирме «Chemical Technology, Ltd.».

Я с пренебрежением посмотрел на управляющего. Станный тип – имея такую должность, годовой оклад в полмиллиона долларов, покусился на какие-то пятьдесят тысяч. Своё месячное жалование. Нет предела человеческой алчности. Впрочем, вместе с деньгами он прихватил из сейфа ещё и мешочек с бриллиантами, а это уже совсем другое дело.

Открыв кейс, я достал хроносканер и сканировал пачки долларов. Только у пяти пачек отсутствовал флуктационный след, их я и бросил в кейс. Флуктационный след отсутствовал и у фланелевого мешочка с бриллиантами, так как в реальности они сгорели вместе с трупом Тамта. Я взял мешочек, раскрыл, посмотрел. Все бриллианты были чистой воды, каждый не менее десяти каратов, и если высыпать их на руку, они не уместились бы в горсти. Громадное состояние. Я бы мог бросить работу пиллиджера и безбедно прожить

оставшуюся жизнь, если бы не одно «но». Сейчас бриллианты не «фонят», но когда я попытаюсь их продать, засветятся настолько ярко, что на флуктационный свет, как мухи на дерьмо, слетятся блюстители стабильности. Ни эти бриллианты, ни двенадцать тонн золота, похороненные под обломками башен-близнецов, мне не по зубам. Мой улов – исключительно сгоревшие банкноты; они не только не пахнут, но и не светятся.

Я запер сейф и бросил ключ в мусорную корзину. Если бы ключ остался в скважине, Тамп успел бы открыть сейф, и тогда миллионы долларов превратились бы в прах, вызвав флуктуацию шестого порядка. Как, однако, много условностей нужно соблюсти, чтобы не вызвать флуктуацию времени и не быть подвергнутым вытирке. И ошибиться при этом нельзя, так как, совершая петлю во времени, чтобы исправить ошибку, ты встретишься сам с собой, что может вызвать хронологический разлом и самопроизвольную вытирку без какой-нибудь помощи службы стабилизации. Очень непросто жить здесь пиллиджеру, но там реликту ещё горше.

Подбросив на руке мешочек с бриллиантами, я покосился на застывшего в межвременье Тамта – откуда в сейфе фирмы, занимающейся сбытом химических реактивов, бриллианты? Или это побочный бизнес управляющего? Чем больше денег имеет человек, тем больше ему хочется. С другой стороны, кому-кому, но не мне упрекать Тамта в махинациях. Займись-ка, своим делом, пиллиджер, и не суй нос в чужие дела. Нечего завидовать чужим деньгам, тем более, в данной обстановке. Удача Тамта закончилась, а свою упускать нельзя.

Я положил мешочек с бриллиантами на журнальный столик в углу, где им суждено превратиться в крошево от удара бетонного перекрытия, и подошёл к двери, из-за которой доносился гул возбуждённых голосов. Служащим фирмы было не до работы – они оживлённо обсуждали катастрофу. Дурашки, бежать надо, а не лясы точить...

По версии вариатора рекомендовалось переждать восемнадцать минут, но я ждать не захотел. Достал джамп, выставил время на пятнадцать минут вперёд и прыгнул.

Как всегда во время прыжка в глазах мигнуло и вокруг вроде бы ничего не изменилось. Всё тем же застывшим изваянием стоял у стола управляющий Тамт, за окном дымила проломом северная башня Всемирного торгового центра, но где-то на уровне подкорки гнездилась уверенность, что между тем, что было в

кабинете пятнадцать минут назад, и тем, что предстало перед глазами, есть небольшая разница. И дело не в том, что дым из северной башни стал гуще, а голоса за дверью глуше и менее возбуждёнными. Атавистическим животным чувством, оставшимся в каждом человеке с тех времён, когда люди жили в пещерах и, благодаря обострённому чувству страха, улавливали присутствие поблизости хищников, я ощутил, что в моё отсутствие в кабинете что-то изменилось. Будто кто-то побывал здесь и оставил после себя неуловимый, на пределе обоняния, след, сродни запаху духов или табачного дыма, хотя под данным вариатора сюда никто не должен был войти. Чёрт меня дёрнул совершить прыжок, не должен я был этого делать по версии вариатора...

Я ещё раз прошёлся взглядом по кабинету, мельком задержавшись на застывшем статуей Тамте. «Не любят тебя подчинённые, – мимоходом констатировал я, – никто и не подумал заглянуть в кабинет, чтобы переброситься с шефом парой слов по поводу катастрофы».

Ничего подозрительного я не обнаружил, но ощущение перемены только усилилось. Подсознание уловило изменение, но ни зрительный нерв, ни обоняние, ни слух аналогий не подсказывало. И всё же память говорила, что разгадка где-то рядом, стоит только напрячься...

Пол под ногами дрогнул, грохот взрыва тампонами заложил уши. Лайнер авиакомпании «United Airlines» врезался в южную башню Всемирного торгового центра.

Со стены кабинета сорвался эстамп, упал в кресло и острым краем распорол кожаную обивку. Тамт пошатнулся и каменной статуей завалился на стол, сметая на пол бумаги и канцелярские принадлежности. Теперь изменений в кабинете точно не обнаружишь, да и некогда.

За дверью на мгновение воцарилась тишина, которая тут же взорвалась дикими криками, топотом ног, рокотом сдвигаемых в панике столов, звоном бьющего стекла. Поздно спохватились, поздно, раньше надо было бежать... Оказывается, поговорка «пока гром не грянет, мужик не перекрестится», верна не только для русских.

Я выждал пару минут, пока за дверью не стихло, и вышел из кабинета. Рабочий зал фирмы «Chemical Technology, Ltd.» напоминал пресловутую посудную лавку

после посещения её слоном. Перевернутые столы, стулья, кресла, битые дисплеи компьютеров. Пол устлала бумага, пересыпанная стеклянными крошками разбитой вдребезги перегородки, тропические растения были сломаны и растоптаны. Страшная сила – людская паника, страшнее цунами. Между пятьдесят шестым и пятьдесят восьмым этажами лестничные пролёты рухнули, и толпа, напавшая сверху, начнёт сбрасывать в провал людей.

Хрустя под подошвами битым стеклом, я прошёл к запасной лестнице и остановился у приоткрытой двери, из-за которой тянуло дымом и животным страхом пытающихся спастись людей. Основной поток беженцев схлынул ниже, и с пятьдесят восьмого этажа доносились истошные крики.

«Ещё полминуты... – подумал я, выглядывая в щель на лестничную площадку. – Ага, вот...»

Сверху слышался топот, и на лестничном пролёте показался грузный негр в спецовке уборщика. Бежал он со второго этажа, бег по лестнице давался ему плохо, он тяжело, с одышкой, дышал, пот градом катился с лица.

Я подождал, пока он не скатился на площадку, затем распахнул дверь, схватил уборщика за спецовку и, подставив ногу, изо всей силы рванул на себя. И когда он кубарем полетел в коридор, ударил его по шее ребром ладони.

Уборщик сдавленно икнул и ничком рухнул на пол. От падения его туши пол дрогнул так, будто в здание врезался ещё один самолёт. Если не «Boeing», то легкомоторная «Cessna».

«Люди гибнут за металл...» – отстранённо пронеслось в голове. За металл, либо его производные. И сколько человечеству суждено жить на Земле, ничего в этом мире не изменится.

Я потёр ушибленную ладонь и поморщился. В удар я вложил максимум силы, и, быть может, убил уборщика, но ни для него, ни для меня это не имело никакого значения. Как и для всемирной истории. Все, кто сейчас находился в здании выше пятьдесят восьмого этажа, были обречены. Все, кроме меня.

– Извини, мы вроде бы коллеги, но тебе деньги больше не понадобятся, – сказал я, переворачивая грузное тело навзничь.

Уборщик захрипел, из уголка губ по щеке потекла струйка крови. Живой. Не взял я грех на душу, хотя при данных обстоятельствах убийство можно считать не грехом, а милосердием. И жертва меньше мучится, и у меня на душе спокойнее. Такова работа и её издержки.

Вывернув карманы спецовки уборщика, я извлёк ворох мятых ассигнаций, которые неудачливый мародёр выгреб из открытого сейфа на сто втором этаже, и, не считая, побросал в кейс. И без счёта знал, что здесь около двадцати тысяч.

– Покойся с миром, – пожелал я распростёртому телу, перешагнув через него и, не торопясь, направился к лестнице. До обрушения южной башни Всемирного торгового центра оставалось сорок минут, и спешить было некуда.

На ступеньках лестничного пролёта между восемьдесят шестым и восемьдесят седьмым этажами сидела женщина со сбитой причёской и в порванной юбке. Левая нога у неё была неестественно вывернута, и женщина с ужасом смотрела на неё, не решаясь притронуться.

– Помогите! – страдальческим голосом воззвала она ко мне. – Моя нога... Видите...

Я прошёл мимо с каменным лицом, как будто на лестнице никого не было.

– Да что же это... Как же вы? – запричитала женщина. – Сэр, помогите! Помогите хоть кто-нибудь!

Я поднялся на восемьдесят седьмой этаж, вышел в коридор и плотно закрыл за собой дверь. Я мог ей помочь, как помог уборщику, очистившему сейф на сто втором этаже, но в сумочке женщины был всего триста двадцать один доллар. До таких сумм я не опускался. Я мародёр, но не стервятник.

И всё же, когда я вошёл в кабинку туалета и, не утруждая себя тем, чтобы запереться, достал из кармана джамп, на душе у меня было гадко. Издержки профессии... Будь они прокляты!

Обратный скачок в двадцать шестое августа прошёл, как всегда, без сучка, без задоринки. Пару минут я выждал в кабинке, пошуршал туалетной бумагой, спустил в унитазе воду, открыл дверцу и прошёл к умывальнику, чтобы в очередной раз вымыть руки. В первое время здесь я мыл руки с содроганием, но постепенно приучился, а душ даже начал нравиться. Там, чем меньше моешься, тем меньше заразы к рукам пристаёт.

Рядом со мной мыл руки клерк из фирмы «Chemical Technology, Ltd.». Он покосился на меня, деликатно сморщил нос и отвернулся. Я принюхался и почувствовал, что от меня пахнет гарью. Этого я не учёл и на вариаторе не отработывал. Век живи, век учись.

Дезодорантов для одежды на полочке под зеркалом не оказалось, поэтому я взял туалетный освежитель воздуха и обрызгал пиджак. Клерк скривился и с чувством аристократического превосходства ретировался из туалета. Ишь, утончённый эстет! Видел его на экране вариатора, помню, как неся по лестнице, распахивая женщин локтями... Между прочим, чем-то на сэра Джеффри похож...

Воспоминание о возможном конкуренте окончательно испортило настроение. Не встретился он мне в будущем, но это ни о чём не говорило. Сделано только полдела, окончание акции предстояло в северной башне.

Увидев мой «фотоаппарат», лифтёр с подозрением окинул меня взглядом, но ничего не сказал. Если прокол с запахом дыма я не учёл, то этот прокол непростителен. Прорабатывал я эту версию, но спрятать нуль-таймер под пиджак забыл. Не любят в офисных зданиях людей с фотоаппаратами, и лифтёр, который по моим сведениям останется в живых, может меня запомнить. Как бы после одиннадцатого сентября на меня не составили фоторобот как на возможного пособника террористов.

Прятать под полу нуль-таймер было глупо – тогда точно окажусь в ориентировке ФБР, – и я отодвинулся в уголок кабины, чтобы входившие и выходившие на этажах люди меньше обращали на меня внимание. Но когда выходил из лифта на первом этаже, и лифтёр мог видеть только мою спину, нуль-таймер исчез под полкой. Ловкость рук необходима пиллиджеру равно в той же степени, как и

карманнику.

На площади перед двумя небоскрёбами-близнецами Всемирного торгового центра фотографировалась группа японских туристов, и я поморщился. Не учёл, что башни-небоскрёбы не просто офисные здания, но и достопримечательность Нью-Йорка, и фотоаппарат здесь не в диковинку. Но снова выставлять напоказ нуль-таймер не стал. Всех мелочей никогда не учёшь, а бережёного, как известно, и Бог бережёт.

Войдя в холл северной башни, я поднялся лифтом на девяносто восьмой этаж и на всём пути никаких отклонений от версии вариатора не заметил. Всё, естественно, помнить не мог, но запомнившиеся мелкие детали совпали один к одному. Споткнувшийся на ступеньках мужчина в строгом костюме и пёстром галстуке, унылый лифтёр с гербисом на верхней губе, шикарная блондинка, вошедшая в лифт на двадцать шестом этаже и вышедшая на сороковом. Единственным новым фактором был пряный запах её духов, но опцию запахов я на вариаторе отключил, иначе обсчёт вариантов увеличивался чуть ли не втрое, в то время как особой роли на изменение реальности запахи не оказывали. Только в случае избирательной аллергии, но вероятность такого события, к тому же влекущего за собой флуктуацию выше второго порядка, составляла одну десятиллионную. Почти такую же вероятность имел факт моего инертного присутствия здесь. Если учитывать столь незначительные вероятности, то надо рассчитывать каждый вздох-выдох.

В этот раз вариатор рекомендовал прыгнуть в будущее с лестничной площадки между девяносто восьмым и девяносто девятым этажами, которая на протяжении получаса будет пустой. Не лежала у меня душа к продолжению акции, так как предстояло совершить временную петлю и попасть в то же время и почти в то же место, в котором уже побывал. Когда пространственные координаты мест действия в одном временном отрезке разнесены между собой на достаточно далекое расстояние и происходящие в них события исключают взаимовлияние друг на друга, то никаких эксцессов не происходит. Но когда расстояние небольшое, тогда, как говорится, возможны варианты. В девяносто девяти случаях из ста всё проходит нормально, но вот в одном случае... Между башнями-близнецами было достаточное расстояние, но... Эх, напрасно я совершил незапланированный прыжок во времени в кабинете Тамта, тогда бы никакие дурные мысли в голову не лезли. О временной петле и встречах с самим собой ходит много легенд, одна мрачнее другой, из которых самые оптимистические заканчиваются самопроизвольной вытиркой. Об иных

вариантах лучше не вспоминать, и если бы на девяносто девятом этаже меня не ждали шестьдесят тысяч долларов, я бы никогда не решился. Деньги правят миром, и если хочешь жить, а не прозябать, то вынужден действовать на свой страх и риск – вариатор не обсчитывает варианты временной петли, так как самопроизвольная вытирка не вызывает флуктационных возмущений. Наоборот, вытирка уничтожает флуктуацию вместе с объектом, способствовавшим её образованию.

Риск – благородное дело, хотя к моей профессии слово «благородное» лепилось как к корове седло. Честнее употреблять «авось». Авось пронесёт...

Я поднялся на лестничную площадку между этажами, достал джамп и набрал дату. Предстояла весьма простенькая операция на девяносто девятом этаже, и то, что это именно девяносто девятый, а не сотый этаж, вселяло некоторую надежду. Авось попаду именно в девяносто девять случаев из ста, когда ничего не происходит. Не верю в приметы, но надеяться никто не запрещает.

И всё же, когда нажимал кнопку «Старт», я чувствовал себя не в своей тарелке.

Предчувствие не обмануло. Мир с диким грохотом раскололся пополам, вертикальным зигзагом разделив здание и меня так, что на сетчатке глаз, как на фотоплёнке, сохранилась мгновенная экспозиция. Левый глаз видел лестницу, ведущую вниз, правый – лестничный пролёт вверх, а между ними змеился разлом зияющей чёрной пустоты.

Я пошатнулся и ухватился за перила. В ушах шумело, в глазах рябило, ноги налились свинцовой тяжестью, а в памяти стояла картинка временного разлома. Всё-таки не повезло. Хорошо, что живой, только в каком я виде?

В голове отстранённо пронеслось, что Гудков, разрабатывая свою теорию, понятия не имел о временных разломах. Да и о временной петле он имел весьма архаичные представления...

В носоглотке запершило от едкого дыма тлеющего пластика облицовки стен, по барабанным перепонкам ударили истошные женские крики, и я понял, что со зрением и слухом всё в порядке. Ноги всё ещё были ватными, но, кажется, только галлюцинацией временного разлома всё и ограничилось. Авось всё-таки сработал.

Придерживаясь за перила, я побрёл вверх, с трудом переставляя чугунные ноги. Задымленность была настолько плотной, что я ничего не различал в двух шагах от себя. Когда вышел в коридор девяносто девятого этажа, мимо мелькнула чья-то тень, затем ещё одна. То ли кто-то метался в дыму, то ли опять галлюцинация. Дверь нужного кабинета я нашёл чуть ли не на ощупь, вошёл, разыскал в дыму сейф, набрал известную по версии вариатора комбинацию и принялся, не глядя, выгребать пачки долларов. Сканировать их на наличие в будущем флуктационного следа не имело смысла – когда северная башня рухнет, сейф угодит между раскалёнными металлическими балками и внутри всё выгорит дотла.

Когда я выбирался обратно, то уже почти ничего не видел. Глаза слезились, в лёгких хрипело из-за едкого дыма и недостатка кислорода. На ступеньках я споткнулся о чьё-то тело и едва удержался на ногах. А ведь было в версии это тело, но из-за передрыги с временным разломом забыл обо всём. Наконец, я добрался до площадки между этажами, достал джамп, выставил время и прыгнул.

На этот раз никаких эксцессов при прыжке не случилось. Не думал о них, вот и не случились. Глупое заключение, но именно из-за таких случаев начинаешь верить в приметы. Если бы, вопреки предчувствию, в первый раз не произошёл временной разлом, то я о предчувствии и думать бы забыл. Но когда предчувствие оправдывается, о таком случае будешь помнить всегда.

Минуты две я откашливался и отплёвывался, стоя на ступеньках. Хорошо, что лестницей практически никто не пользуется, предпочитая лифты. Странно, в общем-то, что я так реагировал – атмосфера там была немногим лучше. Отвык, что ли? Руки, костюм были перепачканы сажей, и от меня за три версты воняло пожарищем. Трубочист, да и только. В таком виде в лифт не сунешься... Всё рассчитал на вариаторе, любые возможные ситуации, приводящие к флуктуации, а элементарный запах пожарища и тривиальную гарь не учёл. Прокололся как последний лох.

«Люди гибнут за металл...» – снова вспомнились слова Мефистофеля, которые я, как эпитафию, произнёс про себя над распростёртым телом мародёра-неудачника в южной башне. М-да... Сам-то чем лучше?

Я немного постоял на лестнице, прикидывая, как выбраться из ахового положения, и вспомнил, что когда бродил почти на ощупь по коридору девяносто девятого этажа, то первой дверью рядом с выходом на лестницу была дверь в туалет.

Придётся ломать график отхода, но иного пути не существовало. Если в таком виде покажусь в холле и на улице, то мной могут заинтересоваться служба охраны здания и полицейские. Учитывая большую сумму в кейсе, это может привести не только к житейским неприятностям, но и к флуктуации высокого порядка.

Я поднялся по лестнице, постоял, прислушиваясь, у двери, затем выглянул в коридор и, никого не увидев, быстро юркнул в туалет.

К моему счастью, в туалете никого не оказалось. Хорошо, что я наметил акцию на утро, когда туалетами почти никто не пользуется.

Минут двадцать я приводил костюм в порядок, оттирая сажу туалетной бумагой, и за всё это время в туалет так никто и не заглянул. Повезло... К чёртовой матери такое везение! Везёт тем, кто круглый год на Гавайях отдыхает в собственной вилле, мне же везёт только с туалетами...

Покончив с чисткой костюма, я тщательно вымыл руки, умылся, причесался и посмотрел на себя в зеркало. Пиджак был немного помят, но на это мало кто обратит внимание. А если и обратит, то подумает о моей неряшливости, что вовсе не повод для задержания. Единственной проблемой оставался неистребимый запах гари. После влажной обработки пиджака он уменьшился, но по-прежнему ощущался. Как и в туалете южной башни дезодорантов для одежды здесь не оказалось, и на полке стоял только хвойный освежитель воздуха. Я недоверчиво повертел баллончик в руках. Запах горелого органического пластика был довольно мерзким, и как бы в смеси с хвойным освежителем воздуха не получился дикий аромат, будто кто-то под ёлочкой нагадил. Однако отступать было некуда, и я решительно обрызгал костюм дезодорантом. К моему удивлению запах получился приемлемым – нечто вроде жжёной хвои, но всё равно лифтом я воспользоваться не рискнул.

Сомнительное удовольствие спускаться по лестнице с девяносто девятого этажа, но всё же лучше, чем подниматься. Это утешало, но не радовало.

Радуются те, кто отдыхает на Гавайях, моё же счастье – благоухать жжёной хвоей.

Но когда я сделал первый шаг по ступенькам вниз, то понял, что главная проблема в другом. Свинцовая тяжесть в ногах, которую я вначале приписывал элементарному испугу в момент временного разлома, не исчезла. Не было случая, чтобы кто-то выходил из временного разлома без последствий, не стоило обнадёживаться с самого начала. На ноги будто навесили гири, хотя внешне по брюкам ничего определить было невозможно. Ни к чему сейчас и проверять – что произошло, того не изменишь. Вернусь в отель, тогда и посмотрю. Быть может, ноги у меня теперь козлиные, с копытами...

Почти час я спускался по лестнице в раскорячку, и всё это время по наитию пытался определить, нормальные у меня ноги или нет. Ступни, пальцы, я вроде бы чувствовал, но без визуального осмотра тактильному чувству доверять не стоит. Безногие тоже чувствуют пальцы и ступни – этокое своеобразное дежавю.

Когда я спустился на первый этаж и остановился перед дверью в холл, ног под собой уже не ощущал. Было всё равно, нормальные они, козлиные или их вообще нет.

График отхода с места акции полетел к чёртовой матери, и теперь предстояло действовать на свой страх и риск – не было у меня ни получаса, ни отдельного кабинета, чтобы спокойно обсчитать на вариаторе новую реальность. В принципе, никаких контактов у меня не намечалось, поэтому ничего экстраординарного произойти не могло. Туристы-хронеры не пользуются вариаторами, и с ними не случается казусов, если сами не совершат какой-либо глупости.

Я перевёл дух, решительно открыл дверь и твёрдой поступью прошествовал через холл к выходу из северной башни. Ни на мятый пиджак, ни на аромат «жжёной хвои» никто не обратил внимания. Никому я не был нужен.

Выйдя на площадь, я расслабился и позволил себе неторопливую походку усталого человека. Ноги гудели, и я начал подумывать о том, чтобы взять такси, но затем отказался от этой мысли. Хотя расчётное время безопасного отхода безвозвратно ушло, не стоило ломать график передвижения. Всё может быть...

Июльское солнце припекало, прохожие шли в лёгкой летней одежде, и только я один в пиджаке. Снимать пиджак, чтобы нести его, перебросив через руку, я не стал (рубашка под ним была испачкана гарью) и свернул в тень от северной башни.

Но не успел я сделать нескольких шагов, как почувствовал, что с ногами снова творится неладное. Они по-прежнему гудели, но теперь свинцовая тяжесть начала тянуть их куда-то назад и влево, будто сместился центр притяжения Земли. Я глянул под ноги и обомлел – находясь в тени здания, я, тем не менее, отбрасывал чёрную куцую тень, которая тянула меня вбок и назад. К счастью, прохожие пока не обращали на неё внимания, и я побыстрее выскочил на солнце. Но и здесь вид тени меня не обрадовал – она была гораздо темнее, чем у остальных людей.

Забыв о предосторожности, я поймал такси и поехал в отель, по пути искоса поглядывая на свою флуктационную ауру. Аура изменилась – поблекла, стала практически незаметной и мерцала в такт колебаниям тени. Это уже вообще чёрт знает что! Много слышал легенд о трансформациях хронеров, угодивших во временной разлом, но ни в одной из них не говорилось о тени.

Расплатившись с таксистом, я выбрался из машины и наткнулся на недоумённый взгляд швейцара, предупредительно распахнувшего дверцу.

– Неприятности? – вежливо поинтересовался он, глядя на мой пиджак.

– Всё о'кэй, Том! – жизнерадостно заверил я, сунул ему в руку пять долларов и поспешно скрылся в дверях отеля. Парадный вход освещался солнцем, и вряд ли швейцар успел обратить внимание на мою необычно чёрную тень.

Лифтом я пользоваться не стал по той же причине, что и в северной башне Всемирного торгового центра, и пошёл по лестнице. Ног под собой я не чувствовал, и подъём на пятый этаж оказался мукой мученической – быть может, тяжелее, чем спуск по ступенькам с девяносто девятого этажа. И пока я, скрежеща зубами, поднимался, перед глазами стоял образ женщины с подвёрнутой ногой на лестничной площадке между восемьдесят шестым и восемьдесят седьмым этажами южной башни Всемирного торгового центра. Теперь я её понимал. Хоть волком вой – никто не поможет. Как аукнется, так и откликнется...

Когда я ввалился к себе в номер, то был уже никаким. Запер дверь, упал в кресло и минут пять пребывал в прострации, пока взгляд не сфокусировался на бутылке минеральной воды, оставшейся от позднего ужина. Я приложился к горлышку, и только тогда понял, что гортань у меня пересохла, а организм практически обезвожен. Не отрываясь, выпил бутылку до дна, и в голове немного прояснилось. И представить не мог, что у меня столь слабые нервы – во время акций навидался такого, что, казалось, ничто не может вывести из равновесия. Однако до сих пор беда касалась других, а когда затронула меня, выяснилось, что никакой я не супермен с железными нервами, а обычный человек. Трусливый и мнительный.

Кряхтя, как старый дед, я встал с кресла, стянул с себя пиджак, бросил на кровать, и только тогда осмелился посмотреть на свою новую тень. Она лежала у ног неподвижным чёрным комком и казалась объёмной. Будто затаившийся зверёк.

Ноги гудели, будто чугунные, и на самом деле могли оказаться свинцовыми, деревянными, а то и поросшими шестью, с козлиными копытами. Я расстегнул ремень, брюки свободно упали на пол, и у меня отлегло от души. Ноги были как ноги, обыкновенные, в меру волосатые, мужские. Мои собственные, только безмерно уставшие. Они гудели, были одновременно и чугунными, и деревянными, но, к счастью, лишь в переносном смысле. Упавшие брюки закрыли угольную тень, и ткань начала шевелиться. Что за заразу я подхватил во временном разломе?

Опасаясь прикоснуться к тени руками, я снова сел в кресло, каблук об каблук разулся и ногой отшвырнул брюки вместе с туфлями в сторону.

Тень была похожа на большую жирную кляксу. Она лежала на полу, подрагивала, как желе, сливаясь по цвету с чёрными носками, и создавалось впечатление, будто я обеими ногами основательно увяз в луже гудрона. Ковровое покрытие пола сквозь тень не просматривалось.

Всё так же одними ногами я попытался стащить с себя носки, но ничего не получилось. Вот уж влип, так влип... По самые уши. Когда коготок увяз, то глупо бояться притронуться к тени руками. Поздно цирроз лечить, если печень отпала.

Я нагнулся, потрогал тень и испытал странное ощущение, словно она была осязаемой. Пальцы свободно проходили сквозь черноту, касались ворса паласа, но в то же время тень выталкивала пальцы из себя, будто они погрузились в лужицу ртути. Попытался захватить тень кончиками пальцев, но она так же легко, как ртуть, выскользнула. Любопытной субстанцией наградила меня временной разлом... Надолго или нет, понятия не имел, но, так или иначе, мне предстояло с ней жить. Долго ли, коротко, всю жизнь, или только часть, но привыкать надо, а поэтому лучше всего с самого начала не придавать тени особого значения и не обращать на неё внимания. Будто бы так и надо, будто такая тень у всех без исключения.

Сбросив с себя остатки одежды, я направился в ванную комнату. Не обращать внимания на тень не получалось – она гирями висела на ногах, и я шёл по полу, как по болоту.

Забравшись под душ, включил воду, намылился... Тут-то и началось светопреставление. Тень взметнулась, выросла выше меня и начала кривляться в струях воды, карикатурно повторяя мои движения. Что с неё возьмёшь – тень, она и есть тень, даже приобретённая во временном разломе.

Закрыв глаза, чтобы в них не попал шампунь, я принялся тщательно мыться, но образ метущейся в струях воды тени не шёл из головы. Душ – ещё куда ни шло, а что она начнёт вытворять, когда буду сидеть на унитазе? Закончив мыться, я ополоснулся и только затем осторожно приоткрыл глаза.

Тень никуда не исчезла. Она присела, стала немного ниже, но, заштрихованная плотными струями душа, продолжала плясать жирной человекоподобной кляксой с широко расставленными руками. В её карикатурной плоской голове то появлялись, то исчезали сквозные прорехи глаз, рта, но я не был уверен, в действительности ли она кривлялась, или это иллюзия от струй душа.

Когда выключил воду, тень с шумом упала на пол, но опять я не был уверен, что именно она плеснулась у ног, а не остатки воды. Но в то, что тень всосётся в сток вместе с водой и мыльной пеной, я не верил. И правильно делал, потому что, когда насухо вытер голову полотенцем и поплёлся в комнату, тень гирями на ногах последовала за мной.

Подойдя к кровати, я сбросил с неё вонявший гарью пиджак, ничком рухнул на постель и зарылся лицом в подушку. Надо было тщательнейшим образом проанализировать ход прошедшей акции, выявить все ошибки и просчёты, чтобы впредь не наступать на те же грабли, но голова отказывалась работать. Стресс есть стресс, и никакая психологическая уравновешенность не способна ему противостоять. А поскольку лучшее средство для снятия стрессовых aberrаций – сон, я выставил биологический хронометр на срок в один час и мгновенно уснул. Что умею, то умею. Хныкать, распускать нюни пиллиджеру не положено, и если не умеешь держать себя в руках, то отправляйся назад.

Проснулся я ровно через час в той же позе, уткнувшись лицом в подушку. Спал крепко, без сновидений, но не могу сказать, что проснулся свежим и бодрым – стрессовые ситуации так просто не проходят. Всё же, благодаря короткому сну, голове вернулась трезвая ясность и холодная рассудительность. Чего я и добивался. Мало того, во время сна мозг подсознательно проанализировал моё поведение во время акции, и теперь я твёрдо знал, в каком ключевом моменте совершил непростительный промах.

Это был прыжок на пятнадцать минут вперёд в кабинете управляющего Тамта. По версии вариатора нужно было переждать, но я почему-то нарушил святое правило пиллиджера ни на йоту не отступать от разработанной поведенческой версии во время акции. При этом не имело никакого значения, что в кабинет в это время никто не должен был войти. Будто чёрт меня за руку дёрнул... И я начинал догадываться, что это за чёрт. Не мог я просто так, с бухты-барахты, отступить от правил! Ай да сэр Джеффри... Похоже, он применил дистанционное подсознательное внушение, причём настолько мягкое, что психологическая защита не сработала, а подсознание среагировало на внушение только после скачка, когда мне показалось, что в комнате что-то изменилось. Не напрасно я затем комплексовал перед прыжком на лестнице северной башни – нарушило-таки внушение мою психологическую устойчивость.

А вот дальше я ошибок не совершал, поэтому было непонятно, почему произошёл временной разлом. Его просто не могло быть, и все мои предыдущие рассуждения о временной петле навеяны исключительно душевным дискомфортом. Возмущения во временной петле возникают только при непосредственном контакте с самим собой, и в редких случаях при визуальном. Но всё полетело вверх тормашками, будто временной разлом был кем-то подстроен, хотя как им можно управлять, не знают и теоретики темпоральных перемещений. Скорее всего, произошёл сбой в настройке джампа, и он из-за

временного разлома забросил меня минут на пятнадцать дальше установленного срока. Иначе никак не объяснишь задымленность помещений – по рассчитанной версии дыма должно быть немного, и одежда не успела бы так закоптиться. Если бы всё пошло по выверенному сценарию, от меня бы не воняло, пиджак был бы чистым, и я спокойно спустился бы в лифте, ничем не привлекая к себе внимания.

Я сел на кровати и увидел на покрывале большую чёрную лужу. Н-да... О своей новой тени я практически забыл. А напрасно.

Настроение мгновенно испортилось. Поглядывая на чёрное пятно, я спустил ноги с кровати, и тень, тяжело перевалив через край, шлёпнулась на пол лужей гудрона.

– Чёрт бы тебя подрал! – в сердцах ругнулся я.

Тень недобро запузырилась, горбом вздулась над полом, и из неё начали вырастать свиное рыло, рожки, копытца...

– Хватит! – раздражённо гаркнул я. – Ты что, спокойно лежать не умеешь?!

К моему громадному удивлению тень послушно опала, снова превратившись в плоскую недвижимую лужу.

Я опешил и недоверчиво уставился на тень. Неужели она меня понимает? Вот это фокус...

Встав с кровати, я прошёл по комнате, и тень, гирями повиснув на ногах, последовала за мной. Никаких трансцендентных превращений она больше не совершала и вела себя как обыкновенная тень. Разве что очень чёрная. Как себя с ней вести, я не знал и решил выяснить наши отношения несколько позже. Есть другие, более насущные дела, а тень от меня никуда не денется. К сожалению.

Надев брюки, я вынул из кармана джамп, включил его и вывел на дисплей параметры последнего прыжка. Прыжок оказался на двенадцать минут дальше, чем рекомендовал вариатор. Всё-таки сбой джампа... Ещё бы на пятнадцать минут дальше, и я бы аккурат угодил в момент обрушения башни.

Весёленькая история... Но она, по крайней мере, многое объясняет. Объяснять-то объясняет, но я категорически отказывался верить, что сбой джампа произошёл самопроизвольно. Ничего само собой в мире не происходит. В том числе и котята, вопреки поговорке, сами собой не рождаются.

Я покосился на тень и поморщился. Вопросы к ней ещё не родились. Тогда я вызвал коридорного и сдал ему в чистку костюм.

– Когда будет готов? – поинтересовался я, расплачиваясь за услугу и добавляя в меру щедрые чаевые.

Коридорный повертел в руках пиджак, недовольно покрутил носом.

– С такими пятнами не раньше завтрашнего утра.

– А через пару часов?

Я добавил двадцатку.

– Желание постояльца для нас закон, – расплываясь в улыбке, кивнул коридорный. Его взгляд наткнулся на мою тень, на лице отразилось недоумение, улыбка стала растерянной.

Я взял его за плечи, развернул и выставил за порог.

– Когда почистите, занесите в номер, – сказал я, закрыл дверь и посмотрел под ноги.

Густым чёрным пятном тень разливалась по ковровому покрытию и ничем иным, кроме как лужей гудрона, не могла выглядеть в глазах коридорного. Как с ней обращаться, я по-прежнему не имел представления и поволок её за собой к столу. Сел, достал из кейса вариатор, включил. Пришла пора разобраться с сэром Джеффри. Конечно, его перемещения во времени, как и перемещение любого хронера, отследить не удастся, но узнать, чем он занимается в отеле – пара пустяков.

Выведя на дисплей реальные события вчерашнего дня в холле отеля, я отметил курсором автоматического сопровождения сэра Джеффри и последовал за ним. Через пять минут я уже знал, что он снял комфортабельный трёхкомнатный номер на восьмом этаже с гостиной, спальней и кабинетом. Хорошо живёт, если может себе позволить платить пятьсот долларов за сутки.

Когда сэр Джеффри вошёл в номер, его изображение расплылось, и я задумался. Отслеживал я реальные события, а поскольку сэра Джеффри в этом времени не должно быть, то в замкнутом пространстве его изображение не проявлялось. Чтобы он проявился, следовало перейти на вариативный режим, но тогда во времени останется флуктационный след, по которому меня можно легко вычислить. А это отнюдь не в моих интересах. До поры до времени не следовало светиться.

Я откинулся на спинку стула, забросил ногу за ногу и почувствовал, как тень клейкой смолой потянулась за ступнёй.

– Слушай, – буркнул я, – может, ты отклеишься? Хожу, как муха по сиропу, еле ноги волочу.

Сказал машинально, больше от раздражения, чем в надежде на исполнение желания. Неожиданно тень громко чмокнула, ступню правой ноги подбросило вверх, и ноги обрели былую свободу. Не веря себе, я покосился на пол. Тень никуда не исчезла, она по-прежнему лежала на полу чёрной лужей, но теперь её отделяло от ног сантиметров пять пустого пространства.

Забыв о вариаторе, я осторожно встал, шагнул в сторону кровати, прошёлся по комнате. Тяжесть в ногах исчезла, но тень неотступно следовала за мной, неукоснительно соблюдая дистанцию в пять сантиметров. В общем, вела себя так, как и положено обыкновенной тени, за исключением того, что старательно обминала ножки стульев и старалась держаться ближе к центру комнаты, вопреки свету из окна.

Я вернулся к столу, сел и уставился на тень тяжёлым взглядом. Чёрное пятно на полу грозило испортить жизнь раз и навсегда, поэтому удовольствия от его послушания я отнюдь не испытывал. Не радовало меня, что тень оказалась живой и к тому же весьма понятливой.

– Если ты сумела отлипнуть от моих ног, то, может, и уберёшься к чёртовой матери раз и навсегда? – раздражённо бросил я.

Тень возмущённо дрогнула, а затем взъярилась. Вздувшись горбом, она выплюнула из себя щупальце, спеленала им мои ноги, а сама, превратившись в жгут, свернулась кольцами, как удав. Кончик жгута торчал из-под верхнего кольца и подрагивал, словно тень собиралась плюнуть мне в лицо.

– Всё, всё! – не на шутку испугался я. – Хватит! Я пошутил...

Не меняя формы, тень продолжала непримиримо подрагивать, и я внезапно понял, что она копирует не удава, а гигантский кукиш. Открытие, что, кроме интеллекта, тень обладает ещё и чувством юмора, только усугубила моё состояние. Я попытался пошевелить ногами, но не смог. Мозгами шевелить тоже не получалось.

– Извини, – попросил я, – больше не буду.

Извинение подействовало. Тень отпустила ноги из мёртвого захвата и нехотя расплылась по полу чёрной лужей. Но окончательно не успокоилась – изредка по её поверхности пробегали остаточные волны негодования.

– И как же мы с тобой будем жить-сосуществовать? – спросил я, нисколько не надеясь на ответ.

Так и оказалось. Говорить тень не умела и, естественно, на пространные вопросы ответить не могла. Надо задавать вопросы, на которые можно получить односложные ответы «да» и «нет». «Нет» я уже имел удовольствие наблюдать, а как будет выглядеть «да»?

– Ты можешь быть похожей на настоящую тень? Посрее, что ли?

Поверхность тени завибрировала, и мне показалось, что сейчас тень снова скрутит кукиш.

– Не злись, – поспешно сказал я, – это только предложение... Ничего обидного я не сказал.

Вспомнилась чёрная трещина, расколовшая мир во время скачка в северной башне Всемирного торгового центра, и я понял, что поменять цвет тень никак не может. Каким ещё мог быть осколок временного разлома? Только таким, бездонно-чёрным...

– Представляю, как будут реагировать на тебя местные... – пробормотал я. – Хоть назад возвращайся... А как отреагирует на тебя служба стабилизации?

Я представил, КАК может отреагировать служба стабилизации, и похолодел.

– А спрятаться ты никак не можешь? Под одежду, что ли?

Тень опять завибрировала, но в этот раз что-то мне подсказало, что она не собирается крутить кукиш. Между нами возникла некая сенсорная связь, наподобие связи между сознанием и подсознанием. Связь между сознательным «Я» и подсознательным «ЭГО». Как бы раздвоение личности, и моему «Я» стало понятно, что «ЭГО» в образе тени тоже не нравится возможная реакция службы стабилизации.

– Так как? – с надеждой спросил я и тряхнул штаниной.

Больше тень не раздумывала. Она стремительно юркнула по ногам, и тяжесть мгновенно налила тело. Ноги, руки, грудь стали чёрными, но не как у негра, а абсолютно чёрными, и никакой светотени на них не наблюдалось, отчего моё тело казалось плоским. Спряталась, называется...

Ощущение было такое, будто на меня надели скафандр – удобный, не мешающий движениям, но в то же время весьма тяжёлый. С некоторым предубеждением я подошёл к зеркалу и увидел в нём плоскую чёрную тень в брюках. Не было видно ни носа, ни рта, даже белков глаз. Показаться на людях в таком виде было ещё хуже, чем с угольной тенью.

Выход из положения я нашёл на удивление быстро.

– Освободи голову, – попросил я, и чёрная краска послушно сползла с лица. – Теперь кисти рук... Выше... Спасибо.

Я надел свежую рубашку, застегнул на все пуговицы, снова посмотрелся в зеркало. Теперь я был похож на нормального человека, только ступни были чёрными. Но это не страшно – надену носки, обуюсь... И тут я увидел на полу у ног небольшую чёрную лужицу. Похоже, то, что ушло с головы и кистей рук, не могло рассредоточиться по телу и частично стекло на пол. Ничего не попишешь – издержки, везде издержки. Ежели где-то чего-то убудет, то оно обязательно в каком-то месте проявится. Закон сохранения тени. Если бы тень ещё прятала этот клочок от чужого придирчивого взгляда...

Я не успел сказать вслух, как понял, что тень меня поняла. Хорошо, что мы друг друга понимаем. Если субстанция из временного разлома облюбовала моё тело, то лучше жить с ней в мире и согласии, чем ссориться. И пример в этом подавал не я, а тень.

Всё же в моём отражении было что-то необычное, чем-то оно отличалось от того, что я видел в зеркале ежедневно. Я внимательно всмотрелся в отражение и, наконец, увидел отличие. Вокруг меня исчез флуктационный след, и только у головы и кистей рук наблюдалось слабое, едва заметное свечение. Вот это да... Что же это такое? Неужели тень способна внедрять хронера во временной континуум?! Однако...

В голове завертелся вихрь открывающихся блестящих перспектив, но я быстро взял себя в руки. Гасить свечение флуктационного следа абсолютно не означает гасить саму флуктуацию. Не надо путать причину со следствием.

Флуктационный след без контактных линз не увидишь, но это вовсе не значит, что флуктуация не происходит. Не уподобляйся старой дуре в казино – она тоже не видела свой флуктационный след...

Стоп! А откуда я помню о старой дуре в казино?! Она давным-давно должна была подвергнуться вытирке из времени, и, естественно, памяти о ней в моём сознании быть не должно!

Я растерянно глянул на чёрную лужицу у ног и понял – откуда. Память о флуктуации сидела не во мне, а в чёрной бестии из временного разлома, и тень благодушно поделилась этим знанием со мной. В моей же памяти куш в казино сорвал расстроенный предыдущим проигрышем парень. Он угостил меня водкой, и я не отказался, выбитый из колеи неллицеприятным разговором с таймстеблем.

М-да... Такие дела... Может быть, и сэр Джефри имеет к тени какое-то отношение? Имеет ли, не имеет, но проверить надо.

Я прошёл к столу, сел и начал набирать на вариаторе код доступа в вариационный режим, но пальцы не слушались. Ходить с тенью на теле – куда ни шло, но работать с тяжестью в руках было неудобно.

– Давай сделаем так, – предложил я, – когда я один, ты будешь лежать на полу, а когда тебя может увидеть посторонний, будешь прятаться под одежду. Договорились?

Тень послушно соскользнула на пол, и я испытал необычайное облегчение, будто до этого крутился в центрифуге с перегрузкой как минимум в два «g». Разве что над стулом не воспарил. Во всём надо находить небольшие радости, даже в неприятном сожителстве с чёрт-те чем из временного разлома. Если видеть только плохое, надо вешаться.

Глава шестая

Обсчёты я закончил минуты за две до прихода коридорного. Имея под рукой вариатор, легко вычислить предстоящие события. На первых порах это вызывает чувство снисходительного превосходства над местными, но когда поживёшь хронером год-другой, начинаешь понимать свою ущербность. В отличие от местных, я не мог позволить себе не только виллы на Гавайях, но и многих простых вещей. В частности, не мог заводить близких знакомств, друзей...

Воспоминание о симпатичной девушке Злате царапнуло душу, я досадливо поморщился, отключил вариатор и повернулся к двери.

Через мгновение в дверь постучали. Удобно жить в предсказуемом мире, хотя и немного пресно.

– Да-да! – откликнулся я, встал со стула, обул тапочки и шагнул к порогу.

Тень последовала за мной и, когда дверь открылась, стремглав юркнула под брюки. Умная, тварь! Жаль, что она не подпадала под определение пресной предсказуемости.

– Ваш пиджак, сэр, – сказал коридорный, входя в номер и косясь на пол.

– Спасибо.

– Сэр... – недоумённо протянул коридорный, обшаривая глазами ковровое покрытие на полу. – Тут пятно...

– Пятно? – Я изобразил на лице непонимание и принялся осматривать пиджак. – Не отчистилось? Где?

– Нет, сэр. Пиджак чистый. Пятно на полу...

– На полу? Где?

– Вот... Вот тут... – растерялся коридорный, показывая себе под ноги.

– Тут? – Я отступил на шаг, посмотрел на пол, сделал удивлённое лицо. – Ничего не вижу.

– Сейчас нет, – расстроился коридорный, – а в прошлый раз...

– Вы полагаете, я его вычистил? – фыркнул я, невольно отмечая, как маленькая лужица тени умело прячется от взгляда коридорного за моими ногами. Тварь мне попалась не только умная, но и хитрая.

– Что вы, сэр... – окончательно сконфузился коридорный. – Нет, сэр... Извините...

Чтобы снять дополнительные вопросы, я сунул ему в карман ещё десятку и проводил за порог. И как только дверь закрылась, тень шлёпнулась из-под штанин на пол и мелко-мелко задрожала. Что-что, а чувство юмора я в ней уже отмечал. Чувство же юмора, как известно, предполагает наличие интеллекта...

Я прошёлся по комнате, наблюдая, как тень неотступно следует за мной, не переставая мелко дрожать.

– Стерпится, слюбится... – пробормотал я. Без меня меня женили, но я не был уверен, что наш «брак» со временем станет счастливым.

По графику я должен был спуститься в ресторан пообедать, но показываться на людях с тенью пока не рискнул и заказал обед в номер. Заказал, кстати, и суп из акульих плавников. Не то, чтобы хотелось, а из любопытства, так как сегодня на деликатесный суп запрета не было. Завтра, конечно, всё равно придётся выходить, чтобы лететь в Москву, но в данных ситуациях лучше пользоваться принципом «никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра». А послезавтра меня в Нью-Йорке не должно быть.

Когда посыльный привёз обед на передвижном столике, я расплатился и сел обедать.

– Не желаете откусать, чем бог послал? – в шутку предложил тени.

К моему громадному неудовольствию она прыгнула на стол и накрыла сервировку чёрным непроницаемым колпаком.

– Ты... – опешил я. – Ты это серьёзно?

Тень снисходительно сдвинулась в сторону и затряслась холодцом. Смешливая, однако, попалась «супруга». Юмористка... Не хватало, чтобы ночью в постели начала требовать исполнения супружеского долга... Я представил, как это может выглядеть, и меня передёрнуло. Не люблю извращенцев.

Суп из акульих плавников оказался ещё той гадостью. То ли плавники были несвежими, то ли запах третичных аминов им свойственен, но суп по вкусу и аромату напоминал похлёбку из переваренного мутагенного лишайника моего неприкаянного детства. И что в этом супе находят гурманы? Съем-ка я лучше салат из свежих овощей и телячью отбивную... Вид у этих блюд гораздо симпатичнее, а запах отбивной умопомрачительный. Я отставил тарелку в сторону, увидел под ней рекламный проспект супа из акульих плавников, из любопытства прочитал и понял, что в нём находят гурманы. Оказывается, акулы плавники положительно сказываются на мужской потенции. Интересно, а

почему вчера вариатор не рекомендовал этот суп? Я что, должен был на горничных бросаться? Или во время акции, позабыв обо всём на свете, набросился бы на миловидную секретаршу «Chemical Technology, Ltd.» Таню Хэлтон?

Покончив с обедом, я до позднего вечера занимался подготовкой к визиту в номер сэра Джеффри. Я не собирался просто так оставлять всё, что случилось со мной во время акции. Не верю в случайные совпадения. Случайно только «Джек пот» выпадает, и то для местных, а пиллиджеров за такие «случайности» распыляют вне времени.

Выведя на экран вариатора изображение реального события, когда сэр Джеффри получал у портье магнитный ключ от своего номера, я сканировал магнитную запись. Затем из коробки от зубной пасты вырезал картонку размером с магнитную карточку и перенёс на неё магнитный код. Главное, не забыть сжечь карточку после использования – до двадцать второго века считалось, что магнитными свойствами может обладать только железо. Возможно, что обнаружение местными необычных свойств кусочка картона никак не отразится на мировой истории, но оставление артефактов в прошлом приравнивалось службой стабилизации к флуктуации высшего порядка с соответствующими санкциями против нарушителя закона.

Ровно в девять вечера я надел пиджак, сунул в карман изготовленную магнитную карточку и прихватил нуль-таймер. На девять часов вечера вариатор давал наибольшую вероятность, что сэр Джеффри не будет в номере, и я хотел вначале осмотреться, определить по вещам, что собой представляет постоялец, чтобы выработать соответствующую линию поведения при личной встрече.

Как только я перешагнул порог своего номера, тень юркнула под одежду и свинцом налила тело. М-да, если дело дойдёт до драки, то боец из меня никудышный.

Лифтом я пользоваться не стал, чтобы не вовлекать местных в разборки хронеров, и поднялся по лестнице на восьмой этаж. Честно сказать, когда тень висела только на ногах, ходить было легче. Но тогда на ногах была только её часть – килограммов пять, сейчас же она повисла на мне почти вся, и было в ней килограммов двадцать.

На площадке восьмого этажа я постоял немного, переводя дух. Хорошая физзарядка. Через год-два так обросту мышцами, что любой культурист позавидует. Однако подобная перспектива отнюдь не радовала. Лишний вес пиллиджеру ни к чему, его главные козыри – ловкость и изворотливость. Хотел бы безногий, чтоб ноги отросли, да приходится ходить на протезах.

Ни на лестнице, ни в коридоре я никого не встретил, как и предсказывал вариатор. Лучше бы он с той же вероятностью предсказал, что сэра Джеффри в номере не будет, но в отношении поведения хронеров вероятность выше пятидесяти процентов не бывает. Либо он ужинает в ресторане, либо всё-таки остался в номере. Пятьдесят на пятьдесят. Степень свободы у гостей из будущего весьма высокая и конкретное местоположение, как правило, неопределённое.

Перед дверью номера я нацепил на нос нокт-очки, взял наизготовку нуль-таймер и провёл магнитной карточкой по щели. Замок щёлкнул, я скользнул в номер и притворил за собой дверь.

В номере было тихо и темно, но благодаря нокт-очкам я видел всё как днём. Похоже, сэр Джеффри всё-таки ужинал в ресторане. Бесшумно ступая, я вошёл в гостиную, огляделся. Никаких вещей постояльца здесь не было. Справа – дверь в спальню, слева – в кабинет. Аппаратуру он, скорее всего, держит в кабинете, но на всякий случай следует заглянуть в спальню. Вдруг он спит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zabirko_vitaliy/maroder

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)